

Достижения в психологии

И.А. Джидарьян

Психология
счастья
и оптимизма

ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Достижения в психологии

Инна Джидарьян

Психология счастья и оптимизма

«Когито-Центр»

2013

Джидарьян И. А.

Психология счастья и оптимизма / И. А. Джидарьян — «Когито-Центр», 2013 — (Достижения в психологии)

В книге собраны уникальные в плане содержания работы видного отечественного психолога И. А. Джидарьян, по профессиональным представлениям и складу научного мировоззрения принадлежащей к школе С. Л. Рубинштейна, традиции которой она развивает. Прекрасное владение методологией психологического исследования, глубокое знание философской традиции и современных работ по проблемам позитивной психологии, оригинальность мышления в сочетании с искренним сопереживанием человеку на его жизненном пути позволяет автору рассматривать темы, которые мало кто решается развивать в психологии: веры, надежды, любви, оптимизма и счастья.

© Джидарьян И. А., 2013

© Когито-Центр, 2013

Содержание

Предисловие	6
Часть I	9
Введение	9
Глава 1	15
Глава 2	33
Конец ознакомительного фрагмента.	47

И. А. Джидарьян
Психология счастья и оптимизма

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2013

Предисловие

Закономерно, что эта книга выходит в издательской серии «Достижения в психологии». Появление работ Инны Аршавировны Джидарьян всегда ожидают с интересом все, кто хочет услышать новое слово об основных закономерностях психической жизни человека. Автор хорошо понимает, что каждый человек хочет счастья, а в трудных обстоятельствах ему помогают вера, надежда и любовь...

Есть такие основополагающие психические явления и понятия, рассмотрение которых под силу не каждому исследователю. Для этого нужно обладать глубокой гуманитарной культурой, знанием философии и методологии, обширными познаниями в области современной психологической науки, ее методов и новых направлений. Уникальность И. А. Джидарьян как исследователя и как автора состоит в редком синтезе глубокого ума и искреннего чувства, на что читатель всегда откликается.

И. А. Джидарьян было выполнено достаточное число работ более чем за полувековую научную деятельность в институтах Академии наук. Сначала это была аспирантура Института философии АН СССР в секторе, основанном С. Л. Рубинштейном. Затем талантливая аспирантка успешно защитила кандидатскую диссертацию, стала сотрудницей, а в 1972 г. перешла вместе с коллективом сектора философских проблем психологии во вновь организованный Институт психологии АН СССР (ныне – ИП РАН), где раскрылись ее дарования. В 1976 г. в издательстве «Наука» вышла в свет первая монография И. А. Джидарьян «Эстетическая потребность», не потерявшая своего научного значения и сегодня. В сборниках научных трудов и «Психологическом журнале» регулярно публиковались ее статьи, а в 2001 г. издательство «Алетейя» выпустило в свет первую в российской психологии книгу о счастье. Это была вторая монография И. А. Джидарьян «Представление о счастье в российском менталитете». К настоящему времени книга стала библиографической редкостью. И именно текстом этой работы о счастье (в новой редакции) открывается настоящая книга.

Плодотворными для Инны Аршавириной оказались 2008–2012 гг., когда одна за другой в разных изданиях выходят ее статьи, посвященные животрепещущим вопросам современной жизни – оптимизму и пессимизму. Автором впервые показан сложный и неоднозначный характер взаимоотношения этих феноменов и понятий. Прослеживаются также глубинные связи позитивной психологии с идеями, высказанными известными отечественными учеными – С. Л. Рубинштейном и Б. Г. Ананьевым. Подборка этих публикаций составила вторую часть настоящей книги.

И. А. Джидарьян во многом открыла для российских специалистов и широкого круга читателей развиваемую в западном гуманистическом направлении «позитивную психологию», внесла существенный вклад в ее разработку, обогатив своими уникальными исследованиями, обращением к классической русской литературе, к отечественной и мировой гуманитарной мысли, создав свой оригинальный стиль изложения.

Достижения современной позитивной психологии непосредственно связаны с именем И. А. Джидарьян. Ею выполнен сопоставительный анализ позитивной психологии в контексте истории отечественной научной мысли. В частности, одна из глав данной книги посвящена анализу наследия С. Л. Рубинштейна, в таком ключе еще никем не рассматриваемого. А в главе, посвященной научным представлениям Б. Г. Ананьева о человеке, автор говорит о приоритете и своеобразии отечественной гуманитарной мысли в обосновании гуманистического подхода к человеку. Есть также глава, посвященная основаниям и перспективам развития самой позитивной психологии. Уникальным, с нашей точки зрения, является материал, который открывает вторую часть книги. Так о вере, надежде и любви не удавалось еще говорить никому в психологической науке, а сама идея их «триединства» является перспективной для разработки.

Настоящее издание позволяет представить достаточно полную картину работ И. А. Джидарьян, выполненных в период с 2001 по 2012-е годы. Кроме упомянутого выше монографического исследования «Представление о счастье в российском менталитете» (2001), это статьи И. А. Джидарьян, опубликованные в 2008–2012 гг. (в сборниках Института психологии РАН): «Оптимистические основания веры, надежды и любви» (2011); «Современные тенденции в психологических исследованиях оптимизма» (2012); «Философская концепция С. Л. Рубинштейна в контексте гуманистической и позитивной психологии» (2011); «Гуманистический смысл идеи Б. Г. Ананьева о системном человекознании» (2008).

Таким образом, по содержанию книги можно составить впечатление о научных изысканиях И. А. Джидарьян в области психологии личности, относящихся к новому веку и тысячелетию. Та научная традиция, которую она представляет, благодаря ее усилиям передается от одного исторического времени к другому, позволяя заполнить некоторые «пустоты», образовавшиеся в отечественной психологии из-за кризиса идеологии и методологии 1990-х годов. На страницах книги читатель встретит имена и ссылки на произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, почти забытых, но замечательных поэтов и писателей советского периода, прекрасных философов прошлого и современности, а также глубокий анализ отечественной и западной психологической мысли.

Мы надеемся, что молодых ученых может вдохновить проложенный И. А. Джидарьян путь к эмпирическому исследованию представлений о счастье, а также к включению в свои концепции важнейших феноменов человеческой жизни – веры, надежды, любви, счастья, совести, доброты и чести.

Член-корреспондент РАН А. Л. Журавлев

Профессор, доктор психологических наук М. И. Воловикова

Часть I

Представление о счастье в российском менталитете

Введение

Цель настоящей работы не в том, чтобы представить очередной трактат с очередными пространными рассуждениями о счастье, которых в мировой науке более чем достаточно. Это и не попытка предложить новый подход или новое понимание природы этого удивительного и парадоксального по своим проявлениям феномена человеческой жизни, в которых тоже нет недостатка. Не стояла перед нами в качестве специальной задачи и проблема систематизации и обобщения накопленных в мировой науке знаний, как и содержательного анализа различных подходов и концепций счастья, хотя по мере необходимости и по конкретным вопросам такой анализ частично проводился.

Наконец, монография не содержит и каких-либо конкретных «технологий» и «рецептов» по овладению «секретами» счастливой жизни, не дает практических рекомендаций и многообещающих советов, как обрести счастье. Это отдельная и специальная тема, которая выходит за рамки профессиональной компетенции автора и задач книги. По этим вопросам существует специальная психотерапевтическая литература, к которой каждый читатель при желании может обратиться самостоятельно. Мы же, со своей стороны, хотели бы в этой связи напомнить миниатюрную юмореску А. П. Чехова «Жизнь прекрасна! (покушающимся на самоубийство)» и в качестве первого шага прислушаться к содержащимся там советам. Как бы иронизируя над желаниями людей иметь «счастье без перерыва, даже в минуты скорби и печали» (Чехов, 1983, с. 235), писатель в присущей ему юмористичеки-насмешливой манере называет два простых житейских правила, соблюдая которые можно находится всегда в счастливом расположении духа. И в этом юморе, как всегда, содержится большая доля правды.

В соответствии с заявленной темой перед автором стояла другая принципиальная задача – взглянуть на проблему счастья через призму российской ментальности, попытаться раскрыть русскую «бытийность» счастья в связи с духовными традициями и национально-психологическими особенностями русского народа, самобытности его судьбы и исторического существования в мире. При этом мы исходили из идеи о том, что счастье как феномен культуры и выразитель состояния народного духа, напрямую связанный с миром ценностных отношений и приоритетов, верований, представлений народа о высшем и желанном, а также со сложившимся особым типом умонастроения и восприятия мира и т. д., является важнейшей составляющей, необходимым компонентом структуры любого менталитета, тем более российского.

Подобная «менталистская» ориентация нашего исследования не является, конечно, случайной. Но было бы неверно видеть в ней одно лишь желание следовать модному в последние годы направлению отечественной общественной мысли и связанной с ним проблематике. Для нас этот выбор имеет более глубокие основания: он определен внутренней логикой собственных теоретико-эмпирических исследований, проведенных за последние годы, а также гражданской позицией автора, его глубокой озабоченностью драматической ситуацией, в которой оказались сегодня и российское общество в целом, и российский менталитет с его представлениями о человеческих ценностях вообще и счастье в частности.

Драматизм ситуации заключается в том, что некогда абстрактное и, казалось, далекое от страны и ее народа понятие «кризиса» неожиданно и сразу стало реальностью нашей жизни, травмирующим фактором для миллионов российских граждан. Причем сам кризис приобрел сегодня в масштабах страны системный и непрерывно углубляющийся характер, так что речь,

по существу, идет уже, по авторитетному мнению некоторых наших известных социологов, не просто о кризисе, а о «социальной деградации российского общества» (Руткевич, 1998, с. 3).

Сегодня совершенно очевидно, что развал социалистической системы и великого союзного государства под общие разговоры о перестройке и рыночных реформах, помимо экономической разрухи и полной финансовой зависимости от развитых стран Запада и международных валютных фондов, грозит народу еще и потерей его духовной «безопасности», утратой ценностных и культурогенных потенциалов, угасанием самосознания. Очередная утопия осчастливить в ближайшие годы Россию капиталистическим благоденствием, неким потребительским «раем» на деле обернулась для большинства людей не только полунищим существованием, но и упадком нравственных сил, внутренним ожесточением, безысходностью, при которых начинают распадаться и традиционная русская всеотзывчивость, доброжелательность, сострадательность и другие привлекательные качества. Подобно «шагреновой коже» из романа О. Бальзака, все больше сжимается то необходимое пространство жизни, которое обычно поддерживает веру и оптимизм в людях, без которых русский человек, если прислушаться к мнению Ф. Достоевского, – «дрянь».

Драматический характер современного российского кризиса, особенно духовного, не может не вызывать у многих наших соотечественников чувства крайней обеспокоенности и тревоги, желание что-то предпринять, как-то отреагировать, наконец, воспротивиться – и не только криком души и болью в сердце, но и делом, словом, поступком, печатным изданием, научным аргументом, жизненным актом и т. д. – всем тем деструктивным процессам и силам, которые неумолимо разрушают исторический потенциал страны, делают проблематичной саму возможность ее достойного существования и развития как великого государства. Этим чувством руководствовались и мы при написании данной книги, отстаивая духовный «суверенитет» и «самобытный лик» (И. А. Ильин) русского народа, сознавая губительное для его менталитета сползание страны в болото потребительского самодовольства, циничного эгоизма и опустошительной вседозволенности.

На конкретной проблематике счастья мы пытаемся, в частности, противопоставить различным прагматично-рыночным, духовно-приниженным моделям «счастья» подлинные ценности человеческой жизни, заложенные в архетипе русского сознания и выражающие наиболее важные черты национального характера русских. Сформированные тысячелетним историческим опытом народа, проявленные в трудах и жертвах многих поколений людей, они несут в себе необходимую для «самостоянья» (А. С. Пушкин) человека нравственно укрепляющую силу, направленную вверх, а не вниз – в духовные пустоты и темные расщелины бытия.

В новой системе ценностей, которая изначально была заложена в курсе реформ и которая под давлением официальной пропаганды и средств массовой информации все глубже проникает в сознание и сферу взаимоотношений людей, счастье начинает восприниматься, прежде всего, как удача, успех, обладание, где все в конечном счете решают деньги. Например, исконно русскому представлению о том, что «не в деньгах счастье» уже найден и широко противопоставляется другой, альтернативный вариант – «не в деньгах счастье, а в их количестве». Современным «любителям» и «идеологам» больших денег, как и их «счастливым» обладателям за счет различных способов «отъема» у других, будет небесполезно напомнить, что деньги на Руси не только никогда не абсолютизировались, а напротив, вызывали в народе недоверие, чувство тревоги и опасности, ибо это «от чёрта, это болото, а там кикиморы живут» (А. М. Панченко).

С незапамятных времен уверовал русский человек – и без всякого чудачества, имея на это веские основания, – в греховную, нечистую силу денег, особенно больших денег. И это убеждение нашло отражение в народном фольклоре, во многих национальных обычаях, приметах, обрядах и т. д. Об одном из них – «чертогоне» (буквально: «изгнание беса»), ныне уже практически забытом, но в свое время очень почитаемом в среде московского денежного

купечества, напоминает нам одноименный рассказ писателя Н. С. Лескова. Глубокий знаток исконно русских нравов, в особенности московской старины, он с большим мастерством и знанием дела рассказывает о многих из них в своих произведениях, в частности, в «Чертогоне». О настороженном отношении на Руси к деньгам как к чему-то опасному и недоброму свидетельствует также одна давняя и практически уже забытая народная примета, согласно которой нахождение клада считалось дурным знаком, предвестником беды и несчастий. Причем, чем весомее был сам клад, тем опаснее и страшнее казалось будущее его нашедшему. Нелишне в этой связи напомнить и о глубоком убеждении нашего национального и всемирно признанного авторитета, человека мудрых мыслей и большого жизненного опыта, писателя Л. Н. Толстого, что богатство не может быть праведным. Такого же мнения придерживался и А. П. Чехов (1987, с. 38).

Конечно, менталитет русского народа, как, впрочем, и многих других европейских народов, формировался под влиянием евангельской притчи о том, что легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому попасть в рай. Но нигде, пожалуй, отношение к богатству и связанному с ним накопительству и ростовщичеству как к несправедливому делу не приобрело характера такой искренней и непоколебимой веры, не укоренилось так прочно в глубинах сознания, как у нашего народа. «Я так понимаю, – говорит один из героев А. П. Чехова, – ежели какой простой человек или господин берет даже самый малый процент, тот уже есть злодей. В таком человеке не может правда существовать» (Чехов, 1985в, с. 215).

Об устойчивости этого стереотипа в национальном самосознании русских свидетельствуют и современные представления россиян о богатстве и его приобретении, содержание которых принципиально не изменились за последнее десятилетие проводимых в стране разрушительных реформ. Исследования показывают, что лишь меньшинство наших граждан, как это и ни парадоксально на первый взгляд, хотели бы оказаться на месте самых богатых людей России. По-видимому, это связано с тем, что значительная их часть убеждена в том, что в нынешней России люди становятся богатыми исключительно за счет «воровства, разграбления страны» (41 %), а также «злоупотребления своим служебным положением, взяток, коррупции» (40 %) или «жульничества, обмана других» (39 %) и другими нечестными путями. Одновременно с представлениями о несправедливости богатства российское сознание по-прежнему отвергает веру в возможность существования «трудолюбивых, талантливых и удачливых» богачей. Способных в это поверить среди опрошенных оказалось только 9 % (Бетанели, 1997).

Наряду с культом денег и поклонения «золотому тельцу» сегодня в российское сознание активно внедряется еще один, не менее сомнительный, а по сути хищнический и весьма агрессивный принцип счастья – «Бери от жизни все», «Лови момент», «Не уппусти свой шанс», «Сорви удачу» и т. д. С экранов телевизора не сходят рекламные ролики с примитивными сюжетами и представлениями о счастье. Например, симпатичные, сияющие от блаженства молодые люди уверяют нас: «Когда я жую жвачку, моя душа поет» или «Окна Бамо. Счастье – вот оно!» и т. д.

Одновременно с рекламированием такого «хватательного» и «жвачно-рамочного» счастья всех нас пытаются убедить в том, что быть счастливым или несчастным – это наша частная и сугубо личная проблема и что ни общество в целом, ни новые порядки и условия жизни, ни тем более власть, ответственная за эти самые порядки и условия, не причастны ко всем нашим бедам, сломанным судьбам, душевным изломам. За невероятно короткий срок произошло беспрецедентное и чрезвычайно опасное по своим последствиям для целостности национального самосознания и чувства идентичности россиян разделение общества на малочисленное «мы» – политическая и денежная верхушка, быстро почувствовавшая себя чем-то вроде «элиты», «хозяев» и новых «властителей» жизни – и «они», включающих все остальное многомиллионное население страны или народ в целом.

В положении русского народа, который на протяжении всей истории государства российского по праву считался героическим и великим, за последние годы произошли такие социальные изменения, которые сделали возможным говорить о нем, особенно о старшем поколении, в оскорбительном тоне, используя обидные и некорректные слова и выражения: «быдло», «придурки», «красно-коричневые», «коммуняги», «коричневая харя» и др. Причем все это произносится публично, с нескрываемым озлоблением и, что особенно прискорбно, не рядовыми гражданами, а некоторыми известными политиками, должностными лицами, журналистами, представителями художественной интеллигенции.

В этой связи нельзя обойти молчанием поразившее нас своим откровенным цинизмом заявление одного из первых вице-премьеров в одном из бывших правительств эпохи ельцинских «реформ» о том, что «этот многострадальный народ сам виноват в своих страданиях».

Нет смысла комментировать это весьма примечательное для идеологов и сторонников проводимого в стране курса прозападных рыночных реформ высказывание высшего должностного лица, ответственного как раз за ту самую «шоковую терапию», за ту хитроумную ваучеризацию и приватизацию государственной, всенародной собственности, в результате которых большинство населения страны, ее народ, создатель этой собственности и ее истинный хозяин, оказался за чертой бедности, на грани выживания. Вместо комментария мы хотели бы привести весьма поучительные для современных отечественных политиков слова нашего известного писателя Н. С. Лескова, сказанные им более ста лет тому назад и весьма актуальные сегодня: «Понимать свое время и уметь действовать в нем сообразно лучшим его запросам – это не значит раболепствовать воле масс; нет, это значит только чувствовать потребность „одной с ним жизнью дышать и внимать их сердец трепетанью“» (Лесков, 1957, с. 439).

Именно так, как говорил Н. С. Лесков, – трепетно и в унисон с народом – билось всегда сердце русской поэзии, представленной самыми достойнейшими и яркими представителями, для которых «доля народа, счастье его» были, как для Н. Некрасова, превыше всего другого. По контрасту с приведенными выше циничными словами нашего недавнего первого вице-преьера, по-прежнему мелькающего на экранах ТВ и делающего очередные похожие заявления, невольно вспоминаются проникновенные по душевности и по теплоте выраженного в них чувства любви к родной стране – России следующие строки К. Бальмонта:

Страна великая, несчастная, родная, которую, как мать, жалею и люблю!

И еще:

...И сколько бы пространств – какая бы стихия
Ни развернулась мне, в огне или в воде, —
Плывя, я возглашу единый клич: «Россия!»
Горя, я пропою: «Люблю тебя – везде!»

(Бальмонт, 1980, с. 309–310)

В этих строчках поэта, близких знаменитым блоковским – «О, Русь моя, жена моя, до боли...» – обнажен глубинный нерв русской поэзии, как и всей культуры в целом. В них нет не только какой-либо нотки противопоставления себя народу, тем более позиции превосходства и высокомерия, но и нейтральности, благодушия, а есть естественный порыв любящего сердца навстречу человеческому горю простых людей, есть чувство единения с народом в его страданиях, есть одна общая боль и крест, выпавший на его долю.

«Старая русская интеллигенция, как бы, не в пример нынешней, – писал несколько десятилетий тому назад Г. П. Федотов, – была исполнена сознанием своей миссии и своей выделенности из толпы. Выделенности не для привилегий, а для страданий и борьбы» (Федотов, 1992, с. 221). И далее он высказывает проникновенные слова о том, что достоинство интелли-

генции – не в противопоставлении ее народу и что она должна по-прежнему склоняться перед нищим и страдальцем. Этой духовной российской традиции надлежало бы следовать всем тем, кто причисляет себя и сегодня – вольно или невольно, заслуженно или незаслуженно, скрытно или явно – к элите общества, считает себя представителем интеллигенции.

Трудное историческое время, которое переживает сегодня российское общество, тревожные размышления и чувства, которые вызывает оно у многих наших соотечественников, невольно воскрешают в памяти один удивительно объемный образ из повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат». Это художественное описание «раздавленного репья среди вспаханного поля» и выброшенного на обочину дороги его ярко распустившегося цветка. Этот символический образ служит, как известно, началом для всего дальнейшего изложения писателем одной давней кавказской истории со смертью главного героя, которая вспомнилась ему по ассоциации с погубленным цветком репейника: он, такой прекрасный в своем естестве, на родном кустарнике и такой весь жухлый, аляповатый, сразу увядший, как только его от стебля отдрали. Повесть «Хаджи-Мурат» создавалась в один из сложных периодов российской истории, связанный с поражением в Крымско-турецкой войне. И, возможно, пораженческие настроения, охватившие тогда передовую русскую общественность, уязвленное чувство национального достоинства и общая подавленность, вызвали в творческом сознании писателя этот емкий, многозначительный образ цветка-репейника, который представляется таким созвучным сегодняшнему состоянию и мироощущению российского общества.

Созданный нашим великим соотечественником более века тому назад, этот емкий художественный образ таит в себе и некий пророческий смысл, который легко улавливается читателем в следующих заключительных строчках писателя: «Когда я наконец, оторвал цветок, стебель уже был весь в лохмотьях, да и цветок уже не казался так свеж и красив. Кроме того, он по своей грубости и аляповатости не подходил к нежным цветам букета. Я пожалел, что напрасно погубил цветок, который был хорош в своем месте, и бросил его. «Какая, однако, энергия и сила жизни – подумал я, вспоминая те усилия, с которыми я отрывал цветок. – Как он усиленно защищал и дорого продал свою жизнь» (Толстой, 1956, с. 22).

Не так ли сегодня и с нами? Удастся ли нам как стране, как единому и великому народу удержаться на родной почве и на собственном «стебле», отстоять национальное достоинство и право самим определять свою судьбу и направление исторического развития? Хватит ли внутренних сил и воли сохранить свою самобытность, противостоять агрессивному натиску заокеанской ментальности и не раствориться, не исчезнуть в ее пучинах? Не сотрется ли из исторической памяти народа его уникальный духовный опыт, созданный и завещанный нам предшествующими поколениями русских людей со всеми своими национальными особенностями и культурными традициями, характерными нравами, святынями и ценностными ориентирами? Или, подобно цветку репейника из повести Л. Н. Толстого, сорванному и выброшенному на край пыльной дороги, также окажемся на обочине мировой истории?

Конечно, никто ответов на все эти вопросы с достоверностью сегодня не знает. И загадывать тоже нет смысла. Россия – единственная страна, у которой, по общему признанию, не только будущее, но даже и прошлое непредсказуемо. Однако утешает и обнадеживает сознание того, что в самые разные и не менее трудные для страны и народа исторические времена лучшие и авторитетные люди России всегда верили, продолжая верить и сейчас, несмотря на очень трудное время, в неминуемое прозрение и новое возрождение своего отечества. И, как теперь мы об этом достоверно знаем, ни разу не обманулись в своих оптимистических ожиданиях, поскольку после тяжелых испытаний и потрясений, как писал И. А. Ильин на основе своего исторического анализа, народ с тысячелетним прошлым отвечает «возвращением к своей духовной субстанции, восстановлением своего духовного акта, новым расцветом своих сил» (Ильин, 1992, с. 93).

Поэтому в завершение этой вводной части, в которой читатель не мог, конечно, не уловить чувства тревоги и настороженности в отношении современного состояния страны и развития ее духовного потенциала, было бы самым правильным с нашей стороны присоединиться к трезво оптимистическому ответу известного русского мыслителя Г. П. Федотова на свой же собственный вопрос, волновавший его в годы вынужденной эмиграции. Будучи глубоко озабоченным судьбой большевистской России, он писал: «На вопрос, поставленный в заглавии настоящей статьи „Будет ли существовать Россия?“, я не могу ответить простым успокоительным: „Будет!“. Я отвечаю: „Это зависит от нас. Буди! Буди!“» (Федотов, 1992, с. 184).

Глава 1

Счастье в представлениях и образах русского самосознания (историко-культурологический аспект)

О счастье писали всегда, писали люди разных поколений, во всех странах и культурах, пытаюсь ответить на вопросы о том, что такое счастье и что делает людей счастливыми или несчастливыми в их жизни. Это один из тех вечных вопросов человечества, в отношении которых свои мысли высказывали не только философы и ученые, но и писатели и художники, деятели культуры и религии, известные политики и публицисты; вопросы счастья как вопросы о самом сокровенном и желаемом находили широкое отражение и в народном творчестве – в сказках и легендах, в многочисленных поговорках и пословицах, афоризмах и изречениях.

Несмотря на обширную и разноплановую литературу о счастье, созданную за долгую историю человеческих исканий истины и стремления к счастью, на многие поставленные вопросы и сегодня нет удовлетворительных ответов. Л. Н. Толстой был во многом прав, когда писал о тщетности наших усилий отвечать на вопросы, данные человеку «только для того, чтобы они вечно оставались вопросами». И хотя многие вопросы, считал он, будут «вечно» стоять перед человечеством, человечество вряд ли когда-нибудь откажется от попыток искать и находить на них ответы (Толстой, 1960, с. 96). И действительно, каждое новое поколение людей заново ставит и решает для себя проблему счастья, соглашаясь или не соглашаясь и даже отвергая многое из того, что утверждали и говорили их предшественники.

В истории науки были предложены сотни определений счастья, выдвинуто множество теоретических подходов и концепций. Как отмечает в своем эссе о счастливой жизни Роберт Шпеман, еще римский философ Варрон (116–37 г. до н. э.), а вслед за ним и Августин Блаженный (354–430 г. до н. э.) «насчитали не более, не менее, как двести восемьдесят девять различных точек зрения на счастье» (цит. по: Вацлавик, 1960, с. 8). Однако ни одно из них не закрепилось в науке, не стало общепринятым.

При научном изучении проблемы счастья сразу же обращает на себя внимание не столько то, как много сказано и написано на эту тему, сколько то, что сказано и написано так много противоречивого и даже прямо противоположного¹. Противоречивость взглядов и чрезмерный субъективизм в оценках и суждениях о счастье нередко порождали скептицизм в отношении возможностей его объективного, строго научного исследования (Бердяев, 1990а, с. 62). Многие из этих возражений и замечаний действительно имеют под собой реальные основания, поскольку сама природа счастья и его достижения весьма относительны, субъективны и глубоко индивидуальны. Не зря в народе говорится, что «на счастье нет закона» (русская пословица).

Тем не менее вопросы счастья как вопросы о самом заветном и желаемом находили широкое отражение не только в народном творчестве (в сказках, былинах и легендах, поговорках и пословицах, песнях и сказаниях и т. д.), не только в художественной литературе и поэзии, в афоризмах и высказываниях многих известных мыслителей и публицистов, но они никогда не переставали быть предметом научных изысканий и специальных исследований, попыток дать четкие, точно сформулированные положения, отвечающие требованиям и критериям научно-

---

¹ Приведем для примера наиболее выразительные по своей противоречивости суждения и высказывания разных авторов: «Счастье не в нас и не внутри нас» (Б. Паскаль); «Можно познать счастье, не будучи счастливым» (Ф. Вольтер); «Несчастнее всех счастливы» (Сенека); «Счастье не нужно» (Г. Флобер); «Только желание быть счастливым нужно» (Н. Г. Чернышевский); «Счастлив тот, кто не знает об этом (Р. Товарнер); «Человек несчастлив потому, что не знает, что он счастлив» (Ф. М. Достоевский); «Удовольствие не есть благо» (Н. Мальбранш); – «Удовольствие – высшее благо» (Эпикур); «Счастье – это борьба» (К. Маркс); «Счастье – это покой» (О. Шпенглер) и т. д.

сти. Сошлемся, в частности, на совсем близкий нам по времени пример – попытки академика Л. Ландау уточнить проблему счастья с позиций научного опыта и математической строгости. Ученый искренне сожалел о том, что не успел реализовать до конца свою главную идею – как следует жить, чтобы быть счастливым (Ливанова, 1983, с.215).

Особенно заметно возросли научные позиции и статус этой проблемы со второй половины 1960-х годов, когда в западной, прежде всего, американской науке стали активно проводиться социально-психологические, в том числе и экспериментальные исследования различных аспектов счастья и удовлетворенности жизнью. В отличие от большинства работ предшествующих лет, содержащих преимущественно теоретические рассуждения о том, что есть счастье и как его достигнуть, в этих эмпирических исследованиях акцент был сделан на психодиагностику и измерение счастья и удовлетворенности жизнью и на выявление их корреляций с другими характеристиками и параметрами личности.

В результате исследований, многие из которых проводились по международным научным проектам, удалось получить достаточно большой массив конкретно-научных данных, позволивший увидеть не только общие тенденции и закономерности, но и некоторые особенности их проявления в разных странах, у разных народов и в разных культурах.

К сожалению, наша страна не принимала участия во многих таких проектах, связанных с проблематикой счастья и жизненного благополучия людей, практически не было и своих собственных исследований по этой тематике, в то время как во многих западных странах они уже давно и успешно проводились. Основная причина традиционных замалчиваний или «невнимания» советской науки к определенным проблемам или даже целым направлениям исследований хорошо известна – они не укладывались в четко выстроенную в те годы систему идеологических и пропагандистских установок. И действительно, уже сама постановка вопроса о том, в какой мере счастливы или несчастливы люди в обществе победившего социализма, должна была показаться неправомерной с позиций этих установок, не говоря уже о перспективе получить негативные результаты на основе конкретных, социально-психологических исследований.

Ограниченность эмпирической базы для прямого сопоставительного анализа современных менталитетов наших народов по данному параметру сделала необходимым расширить рамки данного исследования и рассмотреть проблему счастья в аспекте русской культуры в целом в связи с духовными традициями и национально-психологическими особенностями русского народа, самобытности его судьбы и исторического существования в мире. Тем самым и общая стратегия такого исследования становится ориентированной уже не на поиски того, что отличает русский народ от других народов и как бы демонстрирует его «инаковость» (это лишь вторая, как бы «побочная», но не определяющая задача), а на выявление того, что является для него особенно характерным, наиболее типичным и глубоко укорененным, а следовательно, и национально-индивидуальным в вопросах счастья. Такая стратегия позволяет увидеть общечеловеческое не столько через призму отдельных различий, сколько через богатство его конкретных национальных форм, возвышающихся до общечеловеческих значений.

Такая постановка вопроса отвечает традициям русской философской мысли, для которой тема «русскости» – это не тема исключительности, особого предназначения или избранности русского народа, а тема его самобытности, исторических корней и духовных оснований развития. В более общем философском плане это проблема соотношения категорий всеобщего и особенного, т. е. национального во всечеловеческом и всечеловеческого в индивидуальных формах национального. Как справедливо подчеркивал в своих работах Н. Бердяев, а еще раньше В. Г. Белинский, развитие и обогащение всечеловеческого достигается через глубину и богатство национальных индивидуальностей и культур, как и наоборот. Другого исторического пути их развития нет и быть не может (Бердяев, 1990б, с. 94; Белинский, 1953, с. 45).

Как известно, в российской истории тема национального самосознания и исторической судьбы народа возникала не раз, обостряясь в переломные эпохи социальных преобразований

и общественных потрясений, глубоких реформирований и водоворотов. Одна из опасностей таких периодов, не без оснований считал Н. О. Лосский, состоит в том, что тяжелые годы внешних и внутренних потрясений истощают силы народа и, как бы ни был могуч его национальный характер, и у него «в такие периоды может развиваться недоверие к себе и опасная подражательность» (Лосский, 1991, с. 324). Сегодня российское общество вновь переживает тяжелый период своего развития: оно поражено глубоким экономическим и нравственным кризисом; оно на распутье, растеряно. Никто не знает ни точных рецептов, ни четких ориентиров, ни своего будущего, но уже, к сожалению, вместо переосмысления и критического использования своего собственного развития снова перечеркивается и обесценивается многое из того, что было нашим недавним прошлым, определяло наши идеалы, ценности, святыни и стало достоянием духовного опыта и исторических переживаний народа. И будто о нас, обратившихся за национальным спасением к ценностям капиталистического Запада, думал много десятилетий тому назад известный мыслитель и патриот России И. А. Ильин, когда писал из капиталистического зарубежья: «Так не будем же отрекаться от наших сокровищ и не будем искать спасения в механической пустоте „американизма“» (цит. по: Георгиева, 1998, с. 416).

В условиях новых реформ с их четко выраженным поворотом в сторону ценностей западного образа жизни и торгово-рыночных отношений в общественной жизни, когда средствами массовой информации угрожающими темпами идет «вестернизация» отечественной культуры, закономерным представляется интерес многих наших ученых к проблеме российского менталитета, истории русской культуры, традиционным национальным ценностям, многовековому духовно-нравственному опыту народа (см.: Георгиева, 1998; Клибанов, 1994; Лотман, 1994; Ментальность россиян, 1997; Российская ментальность..., 1994; Российский менталитет..., 1996; Россия и Европа, 1992; Русские, 1997).

В русле этого интереса задумана и написана настоящая книга, в которой сделана попытка рассмотреть проблему счастья в контексте и на основе российского менталитета.

Анализируя проблему счастья в ее русско-национальных проявлениях, мы опирались на самые различные источники, использовали не только специальные научные работы и результаты конкретных эмпирических исследований, но и произведения русской художественной литературы и поэзии, включая народное творчество, высказывания наших известных мыслителей, деятелей искусства и литературы.

* * *

Традиционная для русского сознания моральность с ее многосторонними и многотрудными поисками абсолютного добра и духовного смысла во всем, что затрагивает основы бытия и человеческого существования в мире, в полной мере обнаруживает себя и в отношении счастья-несчастья. Однако проблема для нас не просто в наличии этой моральной доминанты, в преобладании духовно-нравственной точки зрения над всеми другими в представлениях и рассуждениях о счастье, а в содержательных характеристиках самой нравственности, в раскрытии ее российской ментальности.

Известно, что нравственная проблематика счастья в различных своих аспектах возникла и активно разрабатывалась еще в древнегреческой философии (Платон, Сенека, стоики и др.). Однако ее дальнейшее развитие, а также возможность огромного влияния на культуру и сознание европейских народов оказались непосредственно связанными с христианским вероучением. «Благословенны плачущие» – один из лейтмотивов Евангелия от Матфея, согласно которому счастье является сверхъестественным даром, заслугой за нравственные добродетели, прежде всего, за терпение и кротость в борьбе с трудностями, за честность и справедливость, за лишения и страдания в земной жизни. С распространением религиозного сознания в эти-

ческой проблематике счастья усиливалась тема аскезы, страдания, отказа от искушений и чувственных удовольствий.

Особенно сильным на формирование национального самосознания и характера русского народа, на его культуру, на весь нравственно-духовный облик было влияние православного христианства – и для этого были свои причины, о которых речь пойдет ниже. На протяжении тысячелетней российской истории православная идеология органично переплелась с традициями, верованиями, умонастроением и мировосприятием народа, и это дает основание говорить многим авторам не просто о русском, а о русско-православном менталитете (В поиске социальной парадигмы..., 1995, с. 65). По крайней мере, не вызывает сомнений огромная роль православия в формировании той системы представлений и чувствований русского народа, которые определили его жизненную философию счастья.

В рамках этой системы представлений о счастье – как ни парадоксально это может показаться на первый взгляд – важнейшее значение принадлежит мотиву страдания как той структуры сознания, которая несет в себе основной духовный, нравственно-очищающий и искупительный смысл. Счастье воспринимается не само по себе, не как отдельный и самодостаточный факт или сторона жизни, не как единственная, конечная цель действий, а в соотношении и через призму альтернативных форм – страдания и несчастья. Более того, все возможные радостно-счастливые состояния земной человеческой жизни как бы отодвигаются на вторые позиции, уступая первенство в этой цепочке понятий несчастью и связанным с ним переживаниям. Именно такая последовательность и соотношение между счастьем и несчастьем просматриваются в большинстве русских народных пословиц и поговорок. Например: «Бояться несчастья – и счастья не видеть», «Не бывать бы счастьем, да несчастье помогло», «Кто нужды не ведал, и счастья не знает», «Где горе, там и радость» и др.

Общеизвестно, что народы мира во все исторические времена выражали свои чувства и мысли, мироощущение и надежды через многие и самые разные виды художественного творчества. Для русского народа наиболее традиционной формой такого самовыражения стала песня. Именно русская народная песня, в основе своей печальная и жалобливая, пронизанная «тоскою-кручиною, великой печалию» (Берестов, 1989, с. 188), была мощным источником чувств, важнейшим энергетическим зарядом для творчества практически всех крупных представителей отечественной литературы и поэзии. А. С. Пушкин, изучая народные песни и отмечая их огромное влияние на всю свою поэзию, писал: «Вообще несчастье жизни семейственной есть отличительная черта во нравах русского народа. Шлюсь на русские песни: обыкновенное их содержание – или жалоба красавицы, выданной замуж насильно, или упреки молодого мужа постылой жене» (*Пушкин А. С. Мысли на дороге, IV, Черная Грязь*).

Позже о том же самом, но в более широком контексте А. Н. Апухтин скажет:

Не могучий дар природы,
Не монахи-мудрецы,
Создавали вас невзгоды
Да безвестные певцы...

И как много в этих звуках
Непонятого слилось!
Что за удаль в самих муках,
Сколько в смехе тайных слез!..

Годы идут чередою...
Песни нашей старины
Тем же рабством и тоскою,

Той же жалобой полны...

(И будет вечен вольный труд..., 1988, с. 309–310)

В подобной эмоциональной тональности воссоздавали образ родины и многие поколения русских поэтов: он несет на себе печать вековой бедности и страданий народа, его тяжелой исторической доли и больших жизненных испытаний. Для большинства из них это не только и, возможно, даже не столько «разливы рек ее, подобные морям», «лесов безбрежных колыханье», «степей холодное молчанье», «чета белеющих берез» и т. д., но и «дрожашие огни печальных деревень» (М. Ю. Лермонтов), «строения без крыш, разрушенные стены, и та же грязь и вонь, и бедность и тоска» (И. С. Тургенев), «вид угрюмых людей, вид печальной земли» (А. М. Жемчужников), где «беда из века в век... и обижен человек» (К. Бальмонт) и «несчастье шлялось под окнами как нищий на заре» (И. Бабель) и т. д.

В соответствии с этим поэтическим образом родного края, который предстает со страниц отечественной лирики, и в русской прозе, особенно в реалистической литературе XIX в., активно развивается и даже становится преобладающей тема несчастной человеческой судьбы, духовных и физических страданий, тоски и надежды на лучшую жизнь. И эта тема встречает живейший отклик у самых разных слоев российского общества, оказываясь созвучной общему мироощущению и настроению народа.

В свое время В. Г. Белинский писал о необыкновенной созвучности «Бедной Лизы» Н. М. Карамзина общему мироощущению российской общественности и что она «сводила с ума всю публику» (Карамзин, 1988, с. 33). Написанная еще в конце XVIII в., эта книга повествовала о несчастной судьбе своих героев и, несмотря на незамысловатость сюжета и простоту изложения, на протяжении двух столетий вызывала неизменный интерес у всех поколений российских читателей.

Следует подчеркнуть, что «печально-страдательная» доминанта в судьбе многих героев русской прозы далека от трагизма шекспировских героев, поднятого до уровня мировых судеб и «кипения» земных страстей, и даже от драмы человеческого существования в произведениях многих европейских авторов. Это несколько другая, со своими «русскими» изломами и перегибами несчастливость и неустроенность личного бытия, неблагополучие «души томящейся и ищущей», одновременно открытой и глубоко ранимой, охваченной мучительными переживаниями «своего бессилия перед необходимостью» (Достоевский), со своей «вековой тоской» (Блок) и «великой печалию», занятой поисками истины и правды, вечно сомневающейся и в то же время доверчивой и ошибающейся.

Другими словами, это не столько трагизм поступков, действия, прямого героического дела, сколько «скрытый трагизм бытия» (Н. Бердяев), «неудовлетворенность всем вообще существующим» (Е. Трубецкой) как временным, относительным и условным, трагизм невписанности в мировую гармонию, в универсальные духовно-нравственные законы жизни; и это скорее трагизм не на уровне рассудка, логики жизни и здравого смысла, а на уровне интуиции, внутренних ощущений и духовных разладов.

Конечно, вековая нищета и бедность «земли русской», о которых так много сказано и написано в отечественной литературе и поэзии, где, по выражению поэта, «жизнь стонет раньше, чем родится, и стоном пролагает путь» (И будет вечен вольный труд..., 1988, с. 300), не является каким-то «Божьим наказанием» или проявлением национальных особенностей русского народа. Никогда в сознании народа и тех, кто был «глашатаем» и «властителем» народных дум, не возникало ни в прошлом, ни в наши дни мысли о том, что Россия – проклятая страна, хотя о том, что несчастная, говорили многие. «Горе горькое по свету шлялось и на нас невзначай набрело» – передает это общее незлобивое настроение народа песня на стихи Н. А.

Некрасова, в которой не чувствуется никакого упрека или озлобленности за свою несчастливую долю.

Это не вина, а скорее беда и даже, возможно, испытание на прочность духа народа, что в его исторической судьбе проявилась «злая волюшка»: неблагоприятный расклад и совпадение, прежде всего, целого ряда объективных факторов и обстоятельств жизни. Главные из них хорошо известны: многие были выделены и проанализированы еще в работах дореволюционных русских историков и философов (Бердяев, 1990а, 1990б; Лосский, 1991; Соловьев, 1996; Трубецкой, 1994). Однако традиция такого широкого «многофакторного» исследования российской истории оборвалась, к сожалению, в советские годы как идеалистическая и ненаучная, а объяснительные возможности общественных наук, пытавшихся во всем увидеть лишь проявление законов классовой борьбы, взаимоотношений производительных сил и производственных отношений, были, по существу, весьма ограничены. Но эта тема выходит за рамки нашего исследования.

Важным представляется сам факт того, что объективно складывавшиеся для русского народа на протяжении столетий условия существования – исторические, территориально-географические, природные, хозяйственно-экономические и др. – не давали ему никаких оснований для довольства и безбедной жизни, способствовали формированию таких особенностей характера, системы ценностей и мироощущения, которые определяли его понимание и восприятие категорий счастья-несчастья. В частности, в свете этого факта становится понятным также и то, почему «земля русская» оказалась благодатной для восприятия и укоренения на ней христианской идеологии, для которой центр тяжести в земном существовании человека представляется смещенным в сторону несчастья и, по образному выражению В. Татаркевича, является скорее «долиной плача», чем «садом радости» (Татаркевич, 1981, с. 238).

Для русского исторического и культурологического сознания эта «долина» начинается со знаменитого плача Ярославны, жены плененного князя Игоря, у крепостных стен древнего города Путивля и через века простирается до другого, не менее впечатляющего по силе выраженной скорби плача нашей великой современницы и поэта А. Ахматовой, вынужденной уже в годы сталинских репрессий выстаивать с передачами очереди со своим «стомилионным» народом у тюрем и собственными глазами видеть, как «безвинная корчится Русь» («Реквием»).

Следует отметить, что в русском православии акцентируется внимание на духовно-нравственных основаниях этого сдвига, развивается и обогащается христианская идея связи души и страдания: страдание наполняется глубоким духовным смыслом, начинает олицетворять подлинность человеческого бытия, истинность человеческой личности и ее счастья. И если прав Тертуллиан в своем утверждении о том, что человеческая душа по природе своей христианка, то, прежде всего, это справедливо в отношении души русского народа.

На протяжении веков разными путями и в разных формах развивается и укрепляется одна из самых основополагающих для русского сознания формула, которую гениально просто и очень сходно выразили А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов.

А. С. Пушкин: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать» (Пушкин, 1977в, с.169). М. Ю. Лермонтов: «Я жить хочу! хочу печали. Любви и счастию назло» (Лермонтов, 1970, с. 141).

Эта общая формула духовных оснований жизни и человеческого счастья, выстраданная народом на протяжении его тысячелетнего существования и исторического опыта, определила, в свою очередь, глубокую укорененность в российском менталитете житейского правила, о котором говорил И. С. Тургенев: «Хочешь быть счастливым? Научись сперва страдать» (Тургенев, 1986 г, с. 171), ибо «не испытав его, нельзя понять и счастье» (Е. А. Баратынский). Не случайно свою любовь к родному, русскому В. Г. Белинский определил как страдальческое чувство (см.: Лосский, 1991, с. 358).

Своего высшего художественного воплощения тема «страдающей души» и связанные с ней идея и убежденность в том, что страдание есть проявление души, а следовательно, и самой

жизни, что оно есть «святитель» и ее истинная основа, получили, как известно, в творчестве Ф. М. Достоевского, одного из самых глубоких исследователей «тайн человеческой личности» вообще, «русской души» в особенности.

В системе жизненных ценностей русского народа страданию придается благостный, просветляющий, нравственно-очищающий и духовно-возвышающий смысл: им определяются общая душевная отзывчивость человека, его способность воспринимать не только собственное, но и чужое горе, проявлять сочувствие и сострадание к другим людям, готовность оказать им помощь в трудные минуты жизни. Именно эти чувства сострадания и сочувствия чаще всего выделяются в русском характере, относятся к наиболее выраженным чертам русского национального типа. «Сочувственником» назвал Н. М. Карамзин своего друга М. И. Кутузова в одном из писем к прославленному военачальнику. Вслед за Н. М. Карамзиным это слово быстро вошло в языковой обиход российской общественности второй половины XIX в. Однако в дальнейшем, не выдержав «давления» со стороны другого, близкого по смыслу, но уже ранее закрепившегося в русской речи слова «товарищ» стало встречаться все реже и практически вышло из употребления. К сожалению, и само слово «товарищ», такое привычное и дорогое для каждого русского человека, тщательно избегается в современной публичной, тем более официальной речи и рассматривается чуть ли не как пережиток нашего недавнего социалистического прошлого. Следует напомнить всем, предпочитающим называть себя сегодня respectableм словом «господин» и стыдящимся обращения «товарищ», что слово это имеет глубокие русские традиции и российскую ментальность. «Нет ничего выше товарищества», – говорил еще в середине XIX в. Н. В. Гоголь.

Возвращаясь к вопросу о том, что значит для русского человека чувства сострадания и сочувствия, нельзя не упомянуть примечательную речь И. С. Тургенева, с которой уже стареющий и умудренный опытом писатель обратился к московским студентам, выразившим ему глубокое признание и поклонение в связи с его чествованием в 1879 г.: «Я... горжусь и осласливлен этим сочувствием, ... это сочувствие есть высочайшая, единственная награда, после которой уже ничего не остается желать» (Тургенев, 1986а, с. 335).

Обостренное и повышенное внимание к печальным сторонам жизни в сознании и мировосприятии русского народа определили, в свою очередь, и весьма скромные позиции в них счастья и его составляющих. Счастье чаще всего воспринимается как мечта, как идеал: «счастья искали, счастья не нашли» (К. Бальмонт) – или в лучшем случае как отдельные мгновения и быстротечные эпизоды жизни – «радость короткая» (С. Есенин), которые трудно и невозможно удержать. Сознание как бы противится иллюзорности и мимолетности состояний мирского благополучия и переживаний радости: «Счастьем не верь – а беды не пугайся», – по житейски мудро и по-доброму наставляет русская народная пословица. Оно словно опасается возможных противоречий и «столкновений» с собственным нравственным чувством, которому эмоционально ближе и интуитивно понятнее как общая «мировая скорбь», так и печаль конкретной человеческой жизни.

В то же время сострадание в русском народе всегда соединялось с сорадованием. Это родные сестры одного большого сочувствующего сердца. «Где горе, там и радость», – гласит русская народная пословица. И глубоко символично, что именно на русской, обделенной земле и в сердце именно русского поэта, впитавшего в себя «вековую скорбь» и неизбежную мечту людей о счастье, родился чарующий образ «рыцаря счастья». Этим поэтом был Н. С. Гумилев, с бескорыстной щедростью сердца готовый каждого сделать счастливым:

Как в этом мире дышится легко!
Скажите мне, кто жизнью недоволен,
Скажите, кто вздыхает глубоко, —
Я каждого счастливым сделать волен...

Пусть он придет! я должен рассказать,
Я должен рассказать опять и снова,
Как сладко жить, как сладко побеждать
Моря и девушек, врагов и слово...

(Гумилев, 1990, с. 391).

Не прагматический принцип «На тебе, боже, что нам негоже» руководит в данном случае желанием поэта, а нечто возвышенное и жертвенное: ценой собственной жизни или, как выражается он сам, – «к барьеру!», – он «волен», должен, нравственно обязан вдохнуть в других сладость жизни и радость победы, воодушевить каждого своей «прекрасной верой».

В гумилевском «Рыцаре счастья» сострадательность русской души раскрывается другой и, казалось бы, неожиданной стороной: готовностью отдать, пожертвовать ради другого самым дорогим и ценным, чем обладаешь, – собственным счастьем, светом любви, радости и добра.

В этом рыцарском порыве – одаривать людей счастьем – Н. Гумилев продолжает духовные традиции своих великих предшественников, прежде всего, А. С. Пушкина. «Милость к падшим приывать» – ставил А. С. Пушкин себе, как известно, в заслугу, считая это делом всей своей жизни и творчества. Именно так – «милость» – в его эпоху называлось действие, дарующее другим счастье, удачу. И как бы перекликаясь с А. С. Пушкиным и Н. С. Гумилевым, о том же самом просто и убедительно скажет уже в советское время поэт М. А. Светлов:

И если не радость и счастье,
То что же мне людям дарить?

(Светлов, 1983, с. 226).

В связи с проблемой нравственных оснований счастья обращает на себя внимание тот факт, что в рамках русского менталитета очень значимыми и актуальными оказались такие сложные и неоднозначные проблемы, как счастья и вины, морального права быть счастливым. Их суть выразил М. М. Пришвин, когда сказал: «Хотелось бы, чтобы счастье пришло как заслуга». И действительно, почему в жизни нередко случается так, что присутствуют, казалось бы, все внешние атрибуты счастья, достигаются все поставленные цели, реализуются все возможные и невозможные желания, но счастливым человек, увы, не становится? И здесь многое объясняется нравственными максимумами и устоями личности, внутренним голосом совести, покаяния и справедливости.

Уже Н. М. Карамзин в своей исторической повести «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода» в заостренной форме и на конкретном материале российской истории поставил эту проблему, соединив между собой счастье и вину, которая им порождается. «Благоденствие Новгорода», когда «Россия бедствует – ее земля обгагрется кровию, веси и грады опустели, люди, как звери, в лесах укрываются, отец ищет детей и не находит, вдовы и сироты просят милостыни на распутиях», – такой упрек городу делается со стороны россиян и он «в сей вине не может оправдаться». «Так, мы счастливы – и виновны, ибо дерзнули повиноваться законам своего блага», – обвиняют сами себя смелые и вольнолюбивые граждане Новгорода, понимая моральную неправомерность своего счастья и процветания (Карамзин, 1988, с. 181).

Подлинных высот своего национального осмысления проблема моральной правомерности счастья достигает у А. С. Пушкина в «Борисе Годунове». И снова рефреном звучит такое привычное для русского сознания утверждение «Счастья нет», но уже в устах самого могущественного на Руси человека – царя.

Достиг я высшей власти;
Шестой уж год я царствую спокойно.
Но счастья нет моей душе...
Ни власть, ни жизнь меня не веселят;
Предчувствую небесный гром и горе.
Мне счастья нет...
Ах! чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина разве совесть.

(Пушкин, 1978, с. 207–208)

В рамках нравственного типа отношения к счастью, который веками формировался в недрах русского сознания и составляет привлекательную, ценную национальную черту нашего народа, ясно просматривается своеобразный механизм нравственно-этического неприятия собственного счастья. Он связан, прежде всего, с чувством внутренней неловкости и психологического дискомфорта из-за того, что многие другие люди несчастны и страдают, в то время как тебе хорошо и ты счастлив. «Я гляжу на нее, и мне стыдно, что я счастливее ее» – выражает А. П. Чехов это внутреннее душевное состояние человека, когда он видит, сопереживает, но тем не менее реально не может облегчить страдания и боль другого (Чехов, 1985б, с. 309). Его нравственное чувство как бы тяготится собственным благополучием от сознания того, что кому-то в это время или рядом плохо и тяжело. Нередко такая рефлексия нравственного сознания осуществляется бессознательно и возникает парадоксальное и труднообъяснимое состояние, когда ты как бы несчастлив своим счастьем.

На эти проявления нравственного сознания во всей противоречивости и сложности обратил внимание Н. А. Бердяев, занимаясь «самопознанием». Говоря о русских чертах своего мировосприятия, он, с присущим ему мастерством тонкого психолога и глубокого аналитика, не раз возвращался к мысли о том, что «всегда боялся счастливых, радостных минут», что именно в эти минуты «с особенной остротой вспоминал о мучительности жизни» (Бердяев, 1990а, с. 46).

* * *

В представлениях русских людей о счастье не могла не проявиться и еще одна их национальная черта, на которую обратил особое внимание Н. А. Бердяев, а еще раньше выразил А. С. Пушкин, когда что-то «родное» слышалось ему «в долгих песнях ямщика: то разгулье удалое, то сердечная тоска» (Пушкин, 1977б, с. 309). Имеется в виду крайняя «антиномичность» и «двойственность» русской души, удивительная способность русского характера объединять противоположное и взаимоисключающее, его «устремленность к крайнему и предельному», возможность быть удовлетворенным или самым большим или самым малым. Вот как образно выразил крайности восприятия счастья А. С. Пушкин:

Для счастья души, поверьте мне, друзья,
Иль слишком мало всех, иль одного довольно.

(Пушкин, 1978, с. 285)

Сам Н. А. Бердяев об этой «очень национально-русской черте» высказался в более общей форме, но также весьма поэтично: это когда «бездонная глубь и необъятная высь сочетаются

с какой-то низостью, неблагородством, отсутствием достоинства, рабством» (Бердяев, 1990б, с. 11).

Правомерность приведенных слов Н. Бердяева убедительно подтверждается творчеством русских классиков и в особенности Ф. М. Достоевского, показавшего полярную раздвоенность России и русского человека. Как пишет Ю. Давыдов, анализируя литературное наследство писателя, два крайних человеческих типа предстают со страниц его произведений, которые олицетворяют два лика России, два образа русского народа. С одной стороны, это был образ закоренелого, нераскаявшегося преступника, такого, например, как Орлов или Газин, превратившего ремесло убийцы и насильника в некое достоинство, возвышающего его над обычными людьми, «человеческой серятиной». С другой – это был образ человека, избравшего жизнь «аскета в миру», посвятившего себя подвижническому служению людям, взывающих к человеческому участию, к своим трагедиям и страданиям. Такими были князь Мышкин и Алеша Карамазов (Культура. Нравственность. Религия..., 1989, с. 50).

Обратной стороной этой очень национальной черты русских является, как подчеркивал Н. Бердяев, отсутствие «среднего», «бессилие» и даже «бездарность» во всем относительном, умеренном, что как раз преобладает в природно-историческом процессе и в реальной жизни, в том числе в вопросах счастья.

И действительно, крайности и предельный разброс мнений характеризуют чаще всего оценки и притязания русских людей на счастье. С одной стороны, многие из них не мыслили себе счастья вне традиционной и сокровенной для православной души идеи всеобъемлющего и абсолютного блага, отвергающей любые компромиссы и соглашения в своем стремлении к всеобщему счастью, страдающей за всех притесненных, бедных, жалких и «принимающей на себя их несчастья» (Тургенев, 1986, с. 211). Проникновенно и на века сказал об этом Радищев: «...и душа моя страданиями человечества уязвлена стала».

С другой стороны, стремление к счастью во всечеловеческом масштабе и по максимуму не мешало многим из них быть довольными теми малыми благами, которые были в их реальной жизни. Подобно одному из персонажей повести И. С. Тургенева «Муму», мечтающему как о высшем для себя счастье «быть поприветствованным при людях» и почувствовать себя хотя бы раз «в числе человек», большинство русских людей чаще всего тоже оставались в пределах самых скромных и минимальных земных притязаний – «было бы что поесть и во что одеться». Об этой традиционной русской непритязательности, о способности русских довольствоваться малым предельно лаконично сказал уже в советское время поэт М. Светлов:

Хлеба кусок, да снега глоток —
Вот она жизни прелесть.

(Светлов, 1983, с. 53)

К сожалению, на протяжении всей длительной истории жизнь для русского народа объективно складывалась таким образом, что претендовать или рассчитывать на что-то большее, чем «хлеба кусок», чаще всего не приходилось, поэтому даже минимум благ воспринимался благосклонно и с почтением. И если он не был достаточным для выражения восторга и радости, то, по крайней мере, не давал оснований роптать на судьбу и считать себя несчастливим.

* * *

Возникает естественный вопрос: имеются ли в современном российском обществе, точнее, проявляются ли у наших граждан в их отношении к счастью-несчастью в качестве некоторого общего свойства национально выраженные черты и особенности, на которые мы обратили

внимание в своем анализе? Или все уравнилось и стерлось под влиянием новых процессов общественной жизни?

Мы полагаем, что для положительного ответа на первый из поставленных выше вопросов у нас все же есть пока некоторые основания. И это не только отдельные наблюдения, свидетельства, высказывания людей и т. д., но и конкретные, хотя и ограниченные научные и эмпирические данные, подтверждающие это общее предположение. Сошлемся на некоторые из них. Так, при внимательном анализе содержания многочисленных интервью с нашими известными и менее известными соотечественниками нельзя не обратить внимания на такой, например, факт, что в отличие от своих зарубежных коллег, особенно американских, многие из них при ответе на традиционный для интервью вопрос «Счастливы ли вы?» стараются смягчить категоричность своего утвердительного ответа и говорят об этом без торжественных интонаций, более приглушенно и даже уклончиво. Как выразился один наш известный публицист, быть счастливым у него «совести не хватает». Поэтому более естественно для него сказать, что он «не несчастный человек» (Кучер, 1990, с. 4). Показательно, что такой же смягченный вариант положительного ответа предпочитали давать и многие испытуемые в процессе нашего исследования.

Помимо отдельных высказываний и жизненных наблюдений, включая и собственный опыт исследовательской работы с испытуемыми, имеются и более достоверные в научном отношении данные, которые дают основание говорить о некоторых национальных особенностях восприятия счастья-несчастья в современном российском менталитете.

Как отмечают многие зарубежные исследователи, существует тенденция к преувеличению «счастливых ответов» (Аргайл, 1990, с. 30). С точки зрения западного образа жизни и его менталитета, особенно американского, такая тенденция вполне закономерна и понятна: здесь надо быть счастливым, надо постоянно «чувствовать себя на высоте» и всегда улыбаться. И неважно, как на самом деле обстоят дела и что в это время происходит у тебя внутри. В противном случае можно быстро потерять необходимый кредит доверия и уважения со стороны сослуживцев и знакомых, потерять шансы на успешную карьеру и высокое положение в обществе. «Несчастливыцы» вряд ли могут рассчитывать на снисхождение или хотя бы на равное к себе отношение по сравнению с теми, кто более благополучен и у кого все «о'кей». Известно, например, что у работодателя часто не оказывается мест для несчастливцев и в жизни многие стараются их избегать (Татаркевич, 1981, с. 125, 331; Беллестрем, 1999, с. 53). Учитывая эти обстоятельства, некоторые исследователи, особенно американские, нередко даже в ущерб научности, предпочитают не включать в свои опросники пункты, в которых респондентов просили оценить степень их несчастливости.

В отношении российского общества и его граждан подобные опасения не представляются актуальными, а соответствующие вопросы не имеют травмирующего контекста. Такой вывод обоснован следующими соображениями, вытекающими из результатов эмпирических исследований.

Прежде всего, обращает на себя внимание высокий процент неудовлетворенных жизнью людей, который фиксируется социологическими опросами последних лет. По данным ряда таких опросов, в среднем до 75 % наших соотечественников в той или иной мере не удовлетворены своей нынешней жизнью и материальным благополучием, живут без надежды, не имеют идеалов, не уверены в завтрашнем дне, испытывают напряжение, раздражение, тоску, страх и другие отрицательные чувства (Джидарьян, Антонова, 1995).

Эти показатели значительно выше тех, которые выявляются в зарубежных опросах и исследованиях. Сошлемся на очень красноречивые результаты одного такого социологического исследования, которые привела О. Здравомыслова в своем выступлении по Российскому радио в передаче «Боритесь за свои права» от 6 марта 1996 г. Так, наша страна по количеству несчастливых в личной жизни людей оказалась непревзойденным лидером, оставив далеко

позади себя Англию, Францию и США. В то время как 42 % опрошенных россиян считают себя несчастливymi, среди французов называют себя такими 25 %, среди англичан всего 1 %, а несчастливых американцев вообще не оказалось.

В этой связи интересно отметить, что по объективным показателям чувствовать себя несчастливymi в личной жизни у россиян отнюдь не больше оснований, чем у тех же англичан, американцев или французов. Известно, например, что не только у нас, но и в большинстве западных стран каждая третья супружеская пара разводится, причем во многих семьях конфликты сопровождаются рукоприкладством (Аргайл, 1990, с. 222). Поэтому вряд ли большинство этих людей действительно счастливы. По данным нашего собственного исследования, средние значения по показателям общей удовлетворенности и счастья также являются недостаточно высокими, значительно уступая тем, которые были получены в аналогичных исследованиях зарубежных авторов (Джидарьян, 1997).

Конечно, высокий процент несчастливых и неудовлетворенных жизнью людей в нашей стране по сравнению с западными было бы проще всего объяснить объективными факторами: низкий уровень жизни, моральный и духовный кризисы общества и т. д. Влияние объективных факторов на удовлетворенность жизнью действительно является существенным, но далеко не самым главным. Более того, для западных стран с высоким материальным достатком за последние 20–30 лет отмечается ослабление его влияния на уровень счастья. И хотя воздействие материального достатка, по данным ряда зарубежных исследований, часто бывает небольшим, когда учитываются другие факторы, но это влияние может проявляться опосредованно через другие факторы (например, более крепкое здоровье и др.) (Diener, 1984, p. 553). В среднем на долю этого фактора, по данным ряда американских исследований, приходится не более 15 % всех различий в субъективном благополучии (ibid., p. 558).

В свою очередь, некоторые кросс-культурные исследования, а также проводимые институтом Гэллага международные обзоры по разным странам и регионам (как уже отмечалось, наша страна ни в одном из них не представлена) не показывают значимых положительных корреляций между уровнем экономического благосостояния народов этих стран и ощущением счастья (Аргайл, 1990, с. 152). Так, уже в 1976 г. неожиданно для самих исследователей было обнаружено, что латиноамериканцы, живущие на грани нищеты, более счастливы, чем европейцы. В то же время среди европейских стран, входящих в Европейское экономическое сообщество и по экономическим показателям благополучия своих граждан находящиеся примерно на одном уровне, имеются существенные различия в субъективных показателях счастья. Выяснилось, например, что более всего удовлетворены своей жизнью бельгийцы, датчане и голландцы, в то время как у французов, итальянцев и немцев уровень удовлетворенности самый низкий.

Поэтому логично предположить, что на показатели субъективного ощущения счастья и удовлетворенности жизнью людей, живущих в разных странах, существенное влияние оказывают культура и традиции этих народов; в процессе совместного исторического существования и под влиянием других факторов у людей сформировались некоторые общие представления о счастье-несчастье, определенный уровень жизненных запросов, свои особенности в определении точек отсчета, механизмов оценивания и сравнений.

В отношении российских традиций и российского менталитета наиболее важной представляется нам присущая им доброжелательная тональность при восприятии несчастья и тех, кто несчастен. В этом восприятии нет никакого осуждающего или унижающего контекста, каких-либо намеков на неполноценность или ущербность личности. Напротив, есть мотив поддержки и настроенности на лучшее: «Где горе, там и радость» (русская пословица).

«Бояться несчастья – счастья не видеть», «Беда вымучит, беда и выучит», «Тебя и накажут, тебя и пожалеют» – в этих нравственно-практических предписаниях русских пословиц обобщен жизненный опыт народа, много пережившего и перестрадавшего за свою тысячелет-

ную историю, познавшего вековую нужду и другие тяжелые испытания судьбы и научившегося достойно и по-доброму относиться к несчастью.

Терпимое отношение русского человека к несчастью обуславливало и, в свою очередь, обуславливалось тем главным смыслом, который всегда был преобладающим в представлениях нашего народа о счастье-несчастье и остается, по существу, таким и сегодня. Этот смысл связывается, прежде всего, и главным образом с пониманием несчастья как удара судьбы, как проявление беды, от которой никто не застрахован, поэтому трудно представить, чтобы в русском народе с его менталитетом мог появиться и стать популярным, как среди североамериканцев, афоризм «Если ты умный, то почему бедный?», на который любят сегодня ссылаться и наши обогатившиеся (за счет ли собственного ума?) граждане. Само слово «счастье» в русском языке происходит от корня «часть», т. е. удел, судьба. Соответственно, несчастье – это не удел, не судьба. Однако одновременно просматриваются и некоторые различия между этими понятиями. Так, если достижение счастья все же связывается с определенными усилиями и заслугами самого человека, то в несчастье эта личностная компонента обычно сводится до минимума.

Понятно, что доброжелательно-сочувственная тональность русского сознания к несчастью определила и характерную для русских людей откровенность в отношении к своим бедам и страданиям, которые обычно не скрываются от других. Русским людям свойственна привычка «поведать» о своих несчастьях, рассказать о своем горе или постигшей беде, не сомневаясь при этом, что их поймут, искренне утешат и помогут чем смогут. Этим они отличаются от некоторых других народов, в культуре и традициях которых существует поверье, что говорить о несчастье не следует: можешь привлечь и накликать новую беду.

Мотив сочувствия, как можно судить по самым разным источникам, глубоко укоренен в русском менталитете и в качестве некоторой общей тенденции проявляется и сейчас. Это, в частности, подтверждается и результатами наших конкретных исследований, которые более подробно будут проанализированы в последующих главах книги. Хочется верить и надеяться, что эта привлекательная черта русского народа, издавна присущая ему сочувственность и сердечность в отношениях к людям сохранится за ним и в условиях новой социальной действительности, с ее рыночной жесткостью, бескомпромиссной конкурентностью, правом сильного и богатого.

По нашим наблюдениям и некоторым другим свидетельствам (в том числе и по тому большому числу отрицательных утверждений, которые фиксируют соответствующие опросы) и в современном российском обществе люди не испытывают сколько-нибудь глубоких комплексов, не встречают серьезных внутренних барьеров при ответах на вопросы о своей несчастливости и неудовлетворенности жизнью. В большинстве случаев они отвечают на эти вопросы достаточно открыто и прямо, не прибегая даже к смягчающим формулировкам отрицательных утверждений. В отношении российской ментальности, в том числе и современной, нет сколько-нибудь достаточных оснований говорить о какой-либо тенденции занижать свою несчастливость. Скорее даже, наоборот.

* * *

Выявленная в нашем анализе асимметрия в соотношении счастья – несчастья, которая объективно сложилась в исторической судьбе русского народа, закономерно ставит вопрос о том, в какой форме и как отразилась она на его характере и особенностях российского мировосприятия. Не сделала ли эта «многострадальность и жертвенность земли русской», о которой говорил Н. А. Бердяев (1990б, с. 34), наш народ менее жизнелюбивым? Не снизила ли общую восприимчивость и способность в полной мере радоваться и наслаждаться жизнью?

Возможность такого влияния на протяжении тысячелетней российской истории, конечно, была, исключать ее у нас нет оснований. Однако определить и обосновать это влия-

ние чрезвычайно сложно. Впрочем, это не столь важно и в данном случае не имеет принципиального значения. Поэтому ограничимся ссылкой на авторитетное замечание Н. А. Бердяева, сделанное им, правда, по другому поводу: «Русские, по его наблюдению, почти не умеют радоваться, совсем почти не знают радости формы» (там же, с. 65). В свою очередь, Бахтин говорил о «слезном видении мира», глубоко укоренившемся в сознании древнерусского общества, которое определило жизненные позиции не только монашества, но и мирян. Способность мгновенно настроиться на плач, на рыдания вообще служила на Руси внешней приметой моральности человека, его благочестия и т. д. Существует даже изречение: «Если русский не плачет, то Бог его забыл».

Более интересной и важной представляется нам другая версия возможного влияния «дефицита» счастья на некоторые особенности русского менталитета, хотя сама она может показаться не совсем традиционной и в чем-то даже неожиданной.

Правомерность и реальность этой версии мы связываем с проявлением общепсихологических механизмов компенсации и возмещения, благодаря которым обеспечивается, как известно, жизнеспособность живых систем, достигается необходимый баланс сил, происходит взаимозаменяемость функций и свойств, возникает возможность уравнивать недостатки и ограничения в одном преимуществами и достоинствами в другом. Поэтому логично предположить, что веками продолжающийся «недобор» счастья в жизни народа при наличии естественной потребности радоваться «здесь и сейчас» не мог не отразиться на развитии таких качеств и структур психики, которые были способны компенсировать эту недостаточность, могли стать источником положительных эмоций в реальной жизни, необходимой подпиткой для жизненных сил и стойкости духа, всегда присущих русским людям.

Таковыми свойствами и структурами психики могли быть, прежде всего, оптимизм и связанные с ним вера и надежда на лучшее будущее. Распространенное в литературе и в обыденном сознании мнение, что счастливые люди всегда оптимисты или, по крайней мере, более оптимистичны, чем несчастные, а несчастные – пессимисты (Wessman, Ricks, 1966), не может служить в данном случае контраргументом, поскольку не подтверждается современными эмпирическими исследованиями.

Например, сравнивая уровни оптимизма людей, живущих в разных странах (Michalos, 1988), с данными по счастью и общей удовлетворенности жизнью, полученными в других кросс-культурных исследованиях, на которые уже приводились ссылки выше, мы получили весьма пеструю и неоднозначную картину. В частности, оказалось, что по числу наименее оптимистически настроенных граждан в числе первых оказались Бельгия, Дания, а также Голландия, т. е. как раз те страны, которые лидируют по числу самых счастливых в Европе людей. В то же время североамериканцы и канадцы, как и жители Южной Америки и Австралии, являются не только наиболее счастливыми, но и наиболее оптимистичными народами в мире. Что же касается большинства стран и народов, то, по данным этих исследований, сколько-нибудь четких зависимостей между показателями оптимизма, с одной стороны, и общей удовлетворенностью жизнью, с другой, нет.

Есть основания полагать, что «недостаток» счастья компенсировался в русском народе его устремленностью в завтрашний день, надеждами и мечтой о благополучном и счастливом будущем, поисками более высоких идеальных оснований бытия, а также стремлением к смыслу жизни, без которого для русского сознания нет счастья. И если правомерно задать вопрос о том, какой из народов в своей исторической биографии мог больше всего извлечь позитивной энергии из надежды, из своей устремленности в будущее, то таким народом наверняка оказался бы русский.

Вдохновенным гимном вере, этой бесценной способности человека «осветлять» жизнь, стало одно из самых дивных четверостиший А. С. Пушкина:

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет,
Настоящее уныло;
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

(Пушкин, 1977б, с. 239)

Надежда, как известно, была верной спутницей творчества А. С. Пушкина на всем протяжении его жизни, опорой его «неподкупного голоса», ставшего воистину «эхом русского народа» (Пушкин, 1977а, с. 302). И он своей «чувствительной душой» человека и патриота не мог, конечно, не уловить глубинной связи, родственных корней между человеческими несчастьями, невзгодами страны и бедами родного народа, с одной стороны, и его надеждами на лучшую жизнь, с другой. «Несчастью верная сестра» – вот какой поэтический образ находит он для их сравнения в известном стихотворении «Во глубине сибирских руд», стремясь надеждой поддержать друзей в «минуты роковые», вселить в них силой этого чувства «бодрость и веселье» (Пушкин, 1977в, с.7). С юношеских лет поэт твердо верил сам и постоянно призывал друзей не сомневаться в том, что придет «желанная пора», когда над их отечеством взойдет, наконец, «звезда пленительного счастья». Именно эта вера вдохновляла и окрыляла всех патриотов России, кто любил и желал счастье своему народу и отчизне, как об этом проникновенно сказал П. А. Чаадаев: «Будущая Россия, ведь Тебя я только и любил всей душой».

Страной «пророческих предчувствий и ожиданий» называл Россию Н. А. Бердяев (1990б, с. 30), народ которой должен был, как писали русские поэты, сохранять «в сердце радостную веру среди кручины злой» (И будет вечен вольный труд..., 1988, с. 189), «силами мечты воссоздавать и дорисовывать» то, чего он не имеет в жизни (там же, с. 301). Н. В. Гоголю в русской народной песне слышалось «стремление унести куда-то вместе со звуками, а не привязанность к жизни и ее предметам» (Гоголь, 1986, с. 321). И не случайно образ России как целого явился ему в образе бешено скачущей тройки, которая «мчится, вся вдохновенная Богом».

Е. Н. Трубецкой, размышляя над духовным смыслом древней русской иконописи, уникального вида искусства, справедливо увидел в ней не только выражение «беспредельной» и «бездонной глубины скорби существования», но и ту «великую радость», в которую претворяется скорбь; то и другое в ней нераздельны (Трубецкой, 1994, с. 277). «Но есть в этой иконописи и что-то другое, – заключает Е. Н. Трубецкой свои размышления, – что преисполняет душу бесконечной радостью, – это образ России обновленной, воскресшей и прославленной. Все в ней говорит о нашей народной надежде, о том высоком духовном подвиге, который вернул русскому человеку родину» (там же, с. 290).

Следует отметить, что чувство оптимизма и тесно связанная с ним потребность смысла жизни, которые на протяжении столетий удерживались и закладывались в генетическую память народа, помогая в очередной раз выдержать и устоять перед ударами судьбы, выйти обновленным из самых, казалось бы, безнадежных исторических ситуаций, с новой силой и на новой основе проявились в советские годы. С победой Октябрьской революции в стране, как известно, утвердилась коммунистическая идеология, оказавшаяся чрезвычайно созвучной вековым чаяниям и надеждам народа о построении общими усилиями и в обозримой перспективе общества всеобщего счастья и справедливости. Зерно упало на благодатную, давно

подготовленную почву. В этом смысле Н. А. Бердяев справедливо говорил о коммунизме как продукте русского национального характера, которому свойственна мессианская идея освобождения человечества и спасения народов от завоевателей и что она не раз находила практическое воплощение в истории России. «Мессианская идея ортодоксального марксизма – освобождение всего человечества от эксплуатации через мировую революцию, – писал он в 1937 г., – это есть не что иное, как модификация русской мессианской идеи» (Бердяев, 1990в, с. 88).

И как бы ни относиться сегодня к коммунистической идеологии, как бы долго и много ни говорить о советских мифологемах, о «великих» иллюзиях прошлых десятилетий и умелом манипулировании общественным сознанием идеологами и руководителями КПСС, нельзя отрицать того бесспорного факта, что на протяжении целой исторической эпохи миллионы людей были воодушевлены этой коммунистической перспективой, проявляли массовый энтузиазм и самоотверженность в борьбе, как они искренне верили, за счастливое будущее своей Родины.

Вдохновенно и без нотки фальши написаны в 1950-е годы следующие строчки М. А. Светлова:

Да! Я принимаю участие
В широких шеренгах бойцов,
Чтоб в новое здание счастья
Вселить наконец-то жильцов.

(Светлов, 1983, с. 161)

Непоколебимый оптимизм и уверенность в правоте своего дела объясняет один из парадоксов советской действительности – почему в условиях отсутствия многих внешних факторов счастья, несмотря на лишения и тяготы повседневной жизни и даже, казалось, наперекор и вопреки им, большинство советских людей тем не менее чувствовали себя вполне счастливыми.

Да, у советских людей не было того материального достатка и уровня жизни, какой был уже в западных странах; да, были определенные ограничения и запреты в плане демократических свобод и прав человека; да, было еще немало такого, с чем трудно сегодня согласиться и безусловно одобрить. Но одновременно не было неуверенности и страха за свое будущее и будущее своих детей, не было разочарованности и безысходности, всеобщей растерянности и ожесточенности перед вседозволенностью и безответственностью власти, какие появились за последние десятилетия.

Напротив, были историческая перспектива, чувство великой Родины и сознание необходимости совместной борьбы и самоотверженного труда за общее благо. Для большинства советских людей это были необходимые составляющие их представлений о счастье. За годы перестройки и экономических реформ высокий смысл этих надличных или, точнее, «сверхличных» ценностей человеческой жизни оказался девальвированным, лишенным прежних значений. О них стало не принято публично высказываться, а если все же говорить, то как-то невнятно, с оговорками и извиняющимися интонациями.

Это более чем странно, поскольку на самом деле речь идет не о каких-то «пережитках социализма», не о чем-то сомнительном, исторически не выверенном, а о ментальных, всегда высоко чтимых в русской среде чувствах и понятиях. «Счастье Родины я ставлю на первый план», – эти гордые слова произнесены отнюдь не передовиком социалистического производства и членом КПСС, а русским генералом-эмигрантом А. И. Деникиным, человеком весьма далеким от идеологии и практики социализма, но имевшим мужество перед лицом смерти

заявить немцам, что он служил и служит только России. И эти высокие слова в равной мере могли принадлежать каждому из поколений русских людей, выходцев из разных социальных слоев и эпох, начиная уже с того безвестного автора «Слова о погибели Русской земли», с такой подкупающей нежностью и беспримерностью для средневековой лексики выразившего свои патриотические чувства: «О, светло светлая и украсно украшена земля Русская» (см.: Георгиева, 1998, с. 42).

К сожалению, современное российское общество осталось без идеалов, вдохновляющих и духовно укрепляющих идей, способных придать смысл нашему национальному бытию и историческому существованию в мире. Демократические свободы и права человека, о которых так много говорилось и говорится в последние годы как о важнейших завоеваниях новой власти и проводимого курса реформ, мало чем могут помочь в этом плане. При всем огромном значении этих прав и свобод в становлении современной мировой цивилизации и гуманистического мышления практика их реализации в нашей стране, к сожалению, очень быстро обернулась многими негативными сторонами, что окончательно лишило их возможности претендовать на роль новой национальной идеологии. Опросы последних лет показывают, что в обществе нет большого энтузиазма и идеализации этих ценностей. Более того, все больше людей (по некоторым данным, не менее половины опрошенных) готовы даже поддержать введение цензуры в СМИ. И вообще наивно полагать, что на пороге третьего тысячелетия традиционные идеи буржуазного общества и западной цивилизации могут приобрести духовный смысл и центрирующий характер для народа, которому исторически только хлеба и зрелищ было всегда мало, а принципы «все продается – все покупается», «подешевле купить, подороже продать» и вовсе глубоко не симпатичными и чуждыми. «Не удавиться ли мне?» – думает Счастливец, один из персонажей пьесы Островского «Лес», когда он на несколько дней оказывается в состоянии полного материального благополучия и сытости.

К тому же не следует забывать, что буржуазное общество само больно, больно давно и неизлечимо, и это осознали многие наши соотечественники – известные деятели культуры, ученые, представители духовной религиозной мысли и т. д., волею судеб оказавшиеся сразу после Октябрьской революции на Западе. В своих критических статьях, полных тревог и озабоченности за будущее вынужденно покинутой им Родины, они в то же время не обольщались «прелестями» западного образа жизни. «Мы знаем, – писал в 1930-е годы Г. П. Федотов, находясь во Франции, – что западная цивилизация тяжело больна; международные столкновения – лишь один из симптомов общего недуга. И по устранению их остается возможность социальных потрясений, моральных кризисов, духовных бурь. В конце концов, вопрос о спасении нашей культуры есть вопрос духа» (Федотов, 1992, с. 315).

Еще более жесткие позиции занимал в этом вопросе Н. А. Бердяев, называя капитализм самой антихристианской системой. В отличие от него, считал ученый, коммунизм по своей социально-экономической сущности может быть вполне согласован с христианским учением, а значит, и с русским православием. Вот почему, справедливо полагал он, «не защитникам капитализма обличать неправду коммунизма» (Бердяев, 1990в, с. 151).

Конечно, трудно предположить, чтобы в глубоко больном и духовно ослабленном обществе, какой видится сегодня Россия, мог быть большой процент удовлетворенных жизнью и счастливых людей. По данным разных опросов, этот процент действительно очень небольшой и колеблется от 3 % до 15 %. Обрести полноту и прочную основу счастья сейчас значительно труднее, чем раньше. Исследования показывают, что на уровне ценностных представлений – и молодежь тут не составляет исключения – советский человек был счастливее, чем россиянин сегодня (Сикевич, 1999, с. 92).

Заметное уменьшение за последние годы числа тех, кто счастлив и удовлетворен жизнью, совсем не означает, что сегодня стало меньше людей, желающих или мечтающих о счастье. Скорее, наоборот. Однако при неизменной и неослабевающей тяге к счастью произошло

заметное изменение ценностного пространства счастья в представлениях россиян. Оно значительно сузилось и оказалось сконцентрированным на уровне «Я – моя семья – личные цели».

Ограниченность счастья рамками «Я – личная жизнь», что в принципе вполне естественно и объяснимо с позиций индивидуального сознания, тем не менее не представляется безупречным с позиций общественной нравственности, поскольку таит в себе опасность перерастания в такие формы жизни, когда собственное благополучие и довольство заслоняет все остальное, когда блокируются «души прекрасные порывы» (А. С. Пушкин) и многое из того, что определяет «вертикальную ось» (Н. А. Бердяев) человека, не позволяя строить собственное счастье на несчастьях других. Конечно, такая опасность существовала всегда, в том числе и при социализме, но сегодня она стала особенно реальной и ощутимой. Как избежать ее? Как добиться того, чтобы сосредоточенность на личной жизни и личном благополучии не становилась некой ширмой, отгораживающей человека от всего остального мира, от проблем и жизненных затруднений других людей, от благополучия и процветания страны, в которой живешь и в которой родился? Вот главные вопросы, на которые сегодня трудно найти ответы каждому в отдельности, но которые должны быть, по крайней мере, сформулированы и осознаны обществом в числе важнейших и решаться общими усилиями.

К некоторым из поставленных вопросов, связанных с ценностными основаниями и представлениями о счастье в современном российском обществе, мы еще вернемся в следующих главах книги, в которых будут проанализированы материалы соответствующих эмпирических исследований.

Глава 2

Проблема счастья и удовлетворенности жизнью в современных психологических исследованиях

Исторически сложилось так, что разработка проблемы счастья в психологической науке началась с негативных его значений или с того, что З. Фрейд называл «нормальным несчастьем повседневности». На протяжении десятилетий в трудах ученых разных психотерапевтических ориентаций начиная с З. Фрейда наблюдался явный «перекос» в сторону рассмотрения и изучения отрицательных эмоций и депрессивных состояний человека, лежащих в основе внутренних конфликтов, неудовлетворенных влечений, противоречий между «желаемым» и «должным», «притязаниями» и «достижениями» и т. д.

На основе многолетних изысканий и эмпирических поисков этому направлению психологической науки удалось достаточно глубоко и всесторонне, хотя и на специфическом материале невротозов, изучить реальную картину человеческих несчастий, душевных конфликтов, разработать и предложить различные способы и специальные методики «выхода» из этих негативных состояний. Напротив, проблема положительных переживаний и позитивных проявлений человеческой психики, радости и счастья человеческой «повседневности» долгое время не была выделена психологами как специальный предмет исследования и конкретно не изучалась.

Подобный дисбаланс в психологических исследованиях счастья и несчастья отражал общую ситуацию, сложившуюся в науке в целом и прежде всего в философии на рубеже прошлых веков, когда в обществе был отмечен резкий рост пессимистических чувств и упаднических настроений. Вообще следует отметить, что научный интерес привлекала то одна, то другая составляющая парной категории счастья – несчастья, поэтому и развитие этих понятий не было параллельным и равномерным от эпохи к эпохе. Так, например, более ранние периоды человеческой истории термина «несчастье», по существу, не знали, и он является достоянием и особенностью современных языков. Древнегреческие философы говорили о счастье чаще всего в смысле идеала, а не характеристики жизни, поэтому они использовали слово «счастье», не акцентируя его альтернативного смысла. Как пишет В. Татаркевич, один из самых глубоких исследователей этой проблемы, еще в воззрениях мыслителей XVI в. счастье преобладало над несчастьем, а в XVII в. «чаши весов» уравновесились. В XVIII в. несчастье взяло вверх. «И, собственно, отношение к жизни, свойственное новому времени, – как пишет ученый, – проявилось только в XVIII веке» (120, с. 243).

«Взяв вверх» в XVIII в., тема несчастья со всем многообразием его проявлений в реальной жизни уже не сдает своих ведущих позиций ни в XIX в., ни тем более в первой половине XX в., причем не только в конкретных науках и философии, но и в искусстве, литературе, поэзии и т. д. Весьма примечательным для этой ориентации является следующее высказывание С. Кьеркегора, родоначальника экзистенциализма и философии жизни: «...счастлив тот, кто умер в старости; более счастлив тот, кто умер в молодости, еще счастливее тот, кто совсем не родился» (см.: Гайденко, 1970, с. 11).

Более того, пессимистический мотив, определяемый позицией «изначальной скорби бытия», вечности и исключительности человеческих страданий, становится определяющим началом не только в ряде известных философских учений (А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, Э. Гартмана, О. Шпенглера и др.), но получает распространение и в других науках, в том числе и в психологии.

В психологии эта деформация и односторонний подход в изучении человеческих форм жизни в пользу их негативных аспектов начинает исправляться только со второй половины

XX в. под влиянием, прежде всего, работ гуманистически ориентированных психологов (А. Маслоу, Г. Олпорта, Э. Эриксона, К. Р. Роджерса, В. Франкла и др.).

Развитие гуманистической психологии определило появление в мировой науке новых исследовательских тем и направлений, к числу которых относится и проблема субъективного благополучия личности (Subjective Well-Being). Обращение к этой, первоначально широко сформулированной проблеме, включающей в себя не только понятие счастья (Happiness), удовлетворенности жизнью (Life Satisfaction), но и позитивно окрашенного самочувствия, положительной аффективности, психологического здоровья (Mental-Health), моральности (Morale) в значении стойкости духа и т. д., было в известной мере «обратной реакцией» на психоаналитическую ориентированность мировой психологической науки, в которой преобладающее внимание уделялось изучению негативных аспектов психической жизни людей.

Существует прямая связь между исследованиями, посвященными психологии счастья и удовлетворенности жизнью, с одной стороны, и общесоциологической концепцией «качества жизни» (Quality of Life), с другой. Причем ведущее влияние первоначально исходило со стороны качества жизни. Как социологическая концепция была выдвинута и стала активно развиваться в 1960-е годы, прежде всего, учеными США применительно к новому, постиндустриальному этапу социально-экономического развития своей страны. В структуре этой концепции важное значение придавалось понятию субъективного благополучия (Subjective Well-Being) личности, которое имело четко выраженный психологический смысл, связанный с понятиями счастья и удовлетворенности жизнью.

Как известно, концепция Quality of Life, которая наряду с другими модными социологическими теориями тех лет, например, общество «всеобщего благоденствия», «изобилия», «массового потребления» и т. д., отражающими новые тенденции развития западных стран, была резко отрицательно воспринята советским обществоведением. Она критиковалась прежде всего по идеологическим мотивам, поскольку, как тогда считалось, была «призвана в конечном счете «доказать» мнимые преимущества буржуазного образа жизни над социалистическим» (Попов, 1996, с. 150).

Вполне понятна и объяснима эта общая негативная позиция наших ученых к данной концепции: в годы коммунистического единомыслия вряд ли можно было ожидать научной объективности и аргументированного анализа каких-либо общественно-политических теорий и моделей, чуждых идеологическим ориентациям марксизма.

В этой связи интересно выделить основания, по которым в 1970-е годы советское обществоведение решительно отмежевалось от термина «качество жизни», взяв на «вооружение» другой термин – «образ жизни». Дело здесь не только и не просто в том факте, что первый из них был, как выразился М. Н. Руткевич, «захватан» буржуазной социологией, имел политико-пропагандистскую окраску, страдал крайней неоднозначностью и т. д., что чаще всего отмечалось в нашей философской и социологической литературе (Руткевич, 1976; Попов, 1977). Совершенно очевидно, что все эти замечания и упреки не с меньшим основанием можно было бы адресовать и к понятию «образ жизни». Более важным представляется нам в данном случае другой аргумент: «образ жизни» имел прочные марксистские корни и в теории исторического материализма был непосредственно связан с основной для нее категорией способа производства материальных благ. И если в определении «качества жизни» акцентировались индивидуальные аспекты жизни, связанные с личностными ценностями, психологическим самочувствием человека, его субъективными ощущениями жизни и т. д., то в содержании «образа жизни», напротив, доминирующее значение придавалось ценностям общественного бытия, связанным с системой общественных отношений, социально-экономической жизнью людей, со способами их практической деятельности. И в соответствии с этим значением субъектом жизни здесь выступает не столько конкретная эмпирическая личность, сколько более широкие сообщества людей – народ, классы, социальные группы, этнические общности и т. д.

Тем самым марксистская концепция «образа жизни» вряд ли могла стимулировать проведение конкретных психологических исследований, в которых на индивидуальном уровне анализа изучались бы различные проявления субъективного благополучия людей, в том числе ощущения счастья и удовлетворенности жизнью и т. д., как это имело место в русле другой. В этом отношении научный потенциал и продуктивность социологической концепции «качества жизни» оказался в целом выше «образа жизни».

Конечно, в новой социологической формуле «качество жизни» был тоже свой идеологический и политический компонент. Как утверждает американский социолог С. Маккола, словосочетание «качество жизни» впервые использовал в своей речи президент Л. Джонсон в 1964 г. в связи с празднованием 200-летия США и достигнутыми страной успехами во всех сферах жизни (Mascola, 1975, p. 229). Было бы наивно отрицать его пропагандистскую направленность.

Однако сейчас нам представляется важным обратить внимание не на эту возможную идеологическую и пропагандистскую ангажированность данной формулы и понятия, а на содержащуюся в них новую стратегию исследования и оценки социальных процессов, связанную с переориентацией конкретных показателей благополучия людей с внешних показателей на субъективные индикаторы. С позиций социологической концепции качества жизни акцент ставится уже не столько, например, на сам по себе уровень потребления и материального благосостояния граждан, равно как и не на их семейное положение, профессиональную работу, участие в делах сообщества, различных неформальных групп и объединений, проведение досуга и т. д., а на то, как все это воспринимается и оценивается самим индивидом, насколько он при этом чувствует себя психологически комфортно, испытывает чувство удовлетворенности, считает себя счастливым человеком. Можно обладать – и это стало особенно очевидно в условиях постиндустриального развития западных стран – многими внешними атрибутами благополучия и счастья и тем не менее не чувствовать себя соответствующим образом. Поэтому с позиций такой стратегии главным для понятия «качество жизни» выступает не некоторая объективная характеристика, не количественные показатели уровня жизни, а субъективно переживаемые характеристики, индивидуально воспринимаемое или внутреннее «ощущаемое качество» (Perceived Quality) жизни.

Другими словами, в исследованиях качества жизни акцент ставится не только и даже не столько на сам по себе уровень жизни в его внешних количественных проявлениях, а на его преломление относительно оценивающего восприятия и субъективного ощущения самих людей с позиций своего внутреннего благополучия и счастья.

Таким образом, «качество жизни» является, по существу, не обезличенной социальной характеристикой человеческого существования в мире, а мерой психологической вписанности человека в свой социум, мерой их соответствия и адекватности. Выражением этой меры выступает эмоциональное самочувствие и субъективное благополучие человека, чувство его удовлетворенности или неудовлетворенности жизнью.

Психологическая ориентированность понятия «качества жизни» многим авторам представляется настолько очевидной и существенной, что они даже предпочитают прямо определять его как «внутреннюю удовлетворенность» или «чувство субъективного благополучия» личности (Campbell, Converse, Rodgers, 1976; Rodgers, Converse, 1975). Соответственно и свою задачу они видят в том, чтобы посредством самооценок измерить удовлетворенность жизнью на максимально большой выборке респондентов, раскрыв влияние и долю различных социально-демографических и других, в том числе и личностных факторов, на ее показатели (Campbell, 1981). Поэтому иногда бывает трудно определить, направлена ли та или другая конкретная работа на исследование качества жизни или она посвящена психологии счастья и общей удовлетворенности жизнью. Показателен в этом отношении тот факт, что с 1974 г. стал выходить специальный международный журнал «Social Indicators Research», в котором в рав-

ной мере стали публиковаться исследования этого направления, как работы непосредственно по качеству жизни, так и по проблеме счастья и общей удовлетворенности жизнью. И нередко в этих работах счастье определяется как «целостная оценка качества жизни личности в соответствии с выбранным ею критерием» (Shin, Johnson, 1978, p. 478).

Следует отметить, что социологическая концепция качества жизни не только заострила внимание гуманистически ориентированных психологов на необходимости специального изучения всех личностно-психологических проявлений субъективного благополучия индивида, но и явилась мощным толчком к разработке соответствующего инструментария для их диагностирования и более точного измерения. На основе этих работ в западной науке сформировалось новое направление в изучении психологии личности, нацеленное на выявление и оценку различных аспектов ее оптимального, благополучного и эффективного функционирования в процессе жизни. Центральными для этого направления стали понятия счастья и удовлетворенности жизнью², а исходный принцип исследования был обозначен как «*avowed happiness*» (Wessman, Ricks, 1966). Последний термин правомерно перевести как «признаваемое» счастье или «декларируемое» счастье. Введением этого принципа подчеркивается тот факт, что предметом исследования является счастье конкретного человека, который не только его осознает и субъективно ощущает, но и открыто об этом заявляет, оценивая силу и степень своего чувства. Обозначенный с самого начала принцип «*avowed happiness*», в свою очередь, определил и соответствующие методы исследования. Важнейшими из них стали различные методики самооценивания, тесты-опросники, специальные психометрические шкалы и т. д.

Как известно, метод самооценивания таит в себе возможность определенных искажений и связан со значительным разбросом субъективных мнений. И это понятно, поскольку слишком разными бывают иногда те критерии и стандарты, которыми руководствуются люди в своих оценках вообще, а с точки зрения счастья-несчастья, удовлетворенности-неудовлетворенности, благополучия-неблагополучия тем более. В то же время для психологического изучения счастья и удовлетворенности жизнью именно эти целостные переживания и их оценки самими субъектами являются основным источником информации для исследователей.

Не случайно, что во многих работах этого направления большое внимание уделяется исследовательскому инструментарию, связанному с конструированием особых самооценочных «шкал счастья» (*Scale of Happiness*) (Kozma, Stones, 1980), с разработкой и использованием специальных методических приемов, способных существенно снизить субъективизм индивидуальных суждений и добиться большей объективности исходных эмпирических данных.

В конкретно-научных и, прежде всего, социологических исследованиях широко используются факторы, которые в отличие от самооценочных суждений имеют объективную основу, поддаются точному количественному замеру и одновременно обнаруживают статистически значимые связи с тем, насколько счастливыми и удовлетворенными чувствуют себя люди. К таким объективным индикаторам благополучия относится широкий спектр социально-экономических и демографических показателей (материальный достаток, социальное положение и профессиональная занятость, работа, возраст, пол, образование, расовая принадлежность, здоровье, досуговые занятия и т. д.), влияние которых на общий уровень удовлетворенности подробно изучено современной социально-психологической наукой. И сегодня акцент ставится не столько на выявлении каких-то новых, ранее не учтенных факторов, способных оказывать воздействие на субъективное благополучие (например, экологическое состояние окружающей среды, степень скученности населения, качественный состав пищи, уровень психических расстройств, число разводов, самоубийств, степень алкоголизации общества и т. д.),

---

² С 1973 г. «*Psychological Abstracts International*» стал включать «счастье» в список понятий-указателей (индикаторов), что является свидетельством признания международным сообществом его самостоятельного научного статуса в системе психологического знания.

сколько на раскрытие особенностей и различных опосредованных форм такого влияния, на выявление структуры межфакторных связей, на обнаружение тех новых зависимостей и закономерностей, которые возникают на фоне общего роста благосостояния и уровня жизни людей в наиболее развитых странах Запада.

Для психологического анализа, ориентированного на индивидуальный уровень восприятия и ощущения счастья, результаты таких социологических исследований имеют в основном косвенное значение, дополняя и уточняя собственные выводы и заключения. К тому же объяснительный потенциал большинства этих внешних факторов не очень высок. В среднем на долю, например, всех демографических влияний, по данным разных исследований, приходится не более 15 % расхождений в субъективном благополучии личности (Subjective Well-Being – SWB) (Diener, 1984, p. 558).

С точки зрения «факторного» влияния на уровень удовлетворенности жизнью, наибольший удельный вес приходится на некоторые личностные характеристики. Показательны в этом отношении сравнительные данные, которые приводятся в работе А. Кэмпбелла, одного из первых и наиболее известных исследователей качества жизни и субъективного благополучия в национальных масштабах США на рубеже 1980-х годов (Campbell, 1981). Согласно его данным, самую высокую корреляцию с общей удовлетворенностью жизнью показывает такой личностный параметр, как удовлетворенность собой или своим Я (0,55). Отметим, что психологи в содержание понятия удовлетворенности собственным Я обычно включают самоуважение и чувство «внутреннего контроля». По сравнению с влиянием этого обобщенного параметра значение всех других факторов на уровень общей удовлетворенности заметно ниже: семейные отношения (0,50), жизненные стандарты (0,48), работа (0,37), жилье (0,30), здоровье и община (0,29), образование (0,26). В ряде собственно психологических исследований на самых разных выборках также была обнаружена высокая степень влияния на общую удовлетворенность жизнью не только самоуважения и самооценки, но и таких личностных характеристик, как интернальность, экстраверсия, нейротизм и др.

К сожалению, отечественная наука не располагает подобными исследованиями, поскольку долгие годы оставалась вне общего русла движения научной мысли в этой области знания, в то время как в западных изданиях, начиная с середины 1960-х годов, ежегодно публиковалось и продолжает публиковаться по несколько десятков работ, посвященных проблемам счастья, субъективного благополучия и общей удовлетворенности жизнью³, количество отечественных работ на подобные темы за тот же период не превысит, пожалуй, и одного десятка. В основном это локальные и небольшие социологические исследования, посвященные отдельным сферам жизнедеятельности людей, таким, например, как работа, учеба, семейно-брачные отношения и т. д. Причем удовлетворенность в каждой из этих сфер не соотносилась с удовлетворенностью жизнью в целом.

В советское время проведению конкретно-научных исследований проблем счастья и общей удовлетворенности, как, впрочем, и многих других социально острых проблем общественного сознания, вряд ли могла способствовать идеологическая ситуация в стране, поскольку в обществе победившего социализма, где «и жизнь хороша, и жить хорошо», уже по определению не должно было быть несчастливых и неудовлетворенных жизнью людей. Однако и сегодня, когда идейно-политические барьеры и соответствующие догмы, казалось бы, устранены, ситуация с научной разработкой проблематики счастья существенно не улучшилась, хотя определенные подвижки, безусловно, произошли. Так, более четко обозначился общественный интерес к самой этой проблеме, появилось понимание ее значимости и актуальности разработки не

---

³ Так, один из ведущих специалистов в этой области знания, американский психолог Э. Дайнер, в частности, подсчитал, что за период с 1967 по 1983 г. было опубликовано свыше 700 работ по этой проблематике (Diener, 1984, p. 542).

только для социально-психологических теорий личности, но и для современного гуманитарного знания в целом.

О наличии такого интереса свидетельствуют, прежде всего, социологические опросы, которые широко и регулярно стали проводиться в стране многими недавно созданными службами, центрами, различными институтами по изучению социальных процессов и тенденций развития современного российского общества. Авторы многих таких опросов наряду с другими социально острыми вопросами нашего бытия периодически включают в них и вопросы, связанные со сферой субъективного благополучия и социального самочувствия граждан, фиксируя уровень их удовлетворенности или неудовлетворенности не только отдельными сторонами своей жизни, но и жизнью в целом. Так, например, с 1993 г. Всероссийский центр по изучению общественного мнения (ВЦИОМ) проводит ежегодные мониторинговые исследования населения страны по широкому кругу острых вопросов, публикуя их в журнале «Социологические исследования».

По результатам всех известных нам публикаций и интерактивных опросов, проведенных за десятилетний период реформ, складывается весьма удручающая картина о социальном самочувствии и настроениях в стране. Причем результаты всех этих опросов, несмотря на некоторые расхождения в формулировках вопросов, практически совпадают. На протяжении последних лет число неудовлетворенных жизнью устойчиво удерживается на уровне 73–75 %, в то время как прекрасное настроение отмечают только 3 % опрошенных. Общество давно живет в состоянии психического напряжения, неослабевающего раздражения, глобального недоверия, растерянности и во власти других отрицательных чувств. Как правило, нет уверенности в завтрашнем дне, отсутствуют идеалы, люди не чувствуют себя участниками событий, происходящих в стране. Чуть ли не каждый второй россиянин не верит в то, что когда-либо будет жить лучше. Социальное отчаяние в наибольшей степени присуще сегодня людям в возрасте 60 лет и старше, хотя чувства безысходности и пессимизма испытывает и значительная часть людей более молодого возраста (Мониторинг..., 1998; Бетанели, 1997; Сикевич, 1999).

Все это очень тревожно, поскольку речь идет о состояниях, ведущих к фрустрации и социопатии населения страны. И, к сожалению, проводимые ежегодные мониторинги и опросы не фиксируют пока заметных положительных тенденций и улучшений в морально-психологическом состоянии общества.

Однако социологические замеры психологического самочувствия и социальных ожиданий граждан на каждом конкретном этапе современного развития российского общества при всей их значимости и актуальности не могут заменить специальных научных исследований данной проблематики. Для специалистов важно раскрыть более глубокие основания того или иного состояния общественного сознания, важно выявить его разные формы и внутренние структуры, их личностные и нравственные потенциалы, определить различные взаимосвязи и детерминанты, механизмы формирования и динамику изменений.

Опыт проведения подобных исследований в отечественной науке, как уже отмечалось, весьма невелик. Наибольший интерес, с точки зрения обсуждаемой нами темы, представляет небольшое эмпирическое исследование К. Муздыбаева, в котором сделана попытка соотнести удовлетворенность жизнью, ощущение счастья и переживание смысла собственного бытия (Муздыбаев, 1981). Результаты исследования дали основание автору сделать общий вывод о том, что средняя удовлетворенность смыслом жизни намного ниже средней удовлетворенности жизнью в целом. Более конкретные результаты были получены им в отношении влияния различных социально-демографических факторов – прежде всего возраста и социального положения – на ощущение счастья и удовлетворенность жизнью рабочими ряда промышленных предприятий г. Ленинграда в конце 1970-х годов.

Для измерения удовлетворенности смыслом жизни К. Муздыбаев первым в нашей стране адаптировал оригинальный тест «Целенаправленности жизни» (Purpose in Live Test, сокра-

ценно – PИL) Дж. Крамбо и Л. Махолика. Тест-опросник из 20 пунктов был разработан этими психологами еще в начале 1960-х годов для эмпирической валидации логотерапевтической теории В. Франкла с центральным для нее понятием «стремление к смыслу». Тест PИL, который сами его создатели определили как «переживание индивидом онтологической значимости жизни», был вскоре использован многими другими исследователями в разных странах мира, подтвердившими не только основные положения логотерапевтической теории мотивации В. Франкла, как считает ученый, но и высокую валидность и надежность самой этой методики (Франкл, 1990, с. 26, 28).

Вторая русскоязычная версия теста PИL была несколько позже предложена Д. Леонтьевым с соавт. (Леонтьев, Калашников, Калашникова, 1993). Проведенный ими факторный анализ ранее уже адаптированного Е. Муздыбаевым опросника Дж. Крамбо и Л. Махолика позволил преобразовать последний в «многомерный тест смысловых ориентаций» (СЖО). Наряду с общим показателем осмысленности жизни он включает еще пять субшкал, три из которых отражают разные типы собственно смысловых ориентаций (1. Цели в жизни; 2. Процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность; 3. Результативность жизни или удовлетворенность самореализацией), а две другие характеризуют, по мнению автора, определенные аспекты внутреннего локуса контроля (4. Я – хозяин жизни; 5. Жизнь или управляемость жизнью).

Мы, в свою очередь, продолжили традицию этих конкретных исследований, используя тест СЖО в сочетании с другими методиками в одном из своих экспериментальных исследований счастья. В отношении методик с самого начала учитывалась их соотнесенность с содержанием тех основных положений общепсихологической теории счастья, которых мы придерживаемся и на которые хотим обратить внимание в дальнейшем анализе.

* * *

Отмеченное уже ранее обилие теоретических подходов и точек зрения на всегда волновавшие людей и все еще остающиеся не решенными вопросы о том, что есть счастье, кто становится счастливым и почему, привело в последнее время к закономерному, хотя и во многом противоположному эффекту. Многие современные исследователи отказались от необходимости связывать себя с огромным зданием теоретических схем и умозаключений, выстроенным учеными прошлых поколений, перестали пытаться дать исчерпывающие ответы на глобально поставленные вопросы счастья, а обратилось к конкретным эмпирическим и экспериментальным исследованиям, способным с достаточно высокой степенью объективности получить фактический материал по отдельным, порой весьма частным аспектам этой большой и сложной проблемы. Именно по такому пути пошла зарубежная психологическая наука с середины 1960-х годов в отношении проблемы счастья и удовлетворенности жизнью, накопив за эти годы большой массив конкретно-научных данных, не делая каких-либо серьезных заявок на высокую теорию и широкие обобщения.

Однако вопросы теории, как известно, не исчезают сами собой, тем более по воле или желанию отдельных ученых. От них можно отмахнуться, их можно обойти или не принимать во внимание и т. д., но рано или поздно в той или иной форме они обязательно напомнят о себе, особенно в тупиковой или трудной исследовательской ситуации. Этот общий методологический тезис находит свое убедительное подтверждение и в отношении современных разработок проблемы счастья. Сегодня все громче звучит голос ученых о необходимости более тесной связи теории и конкретных эмпирических исследований в этой области знания (Diener, 1984; Diener, Brief, Butcher, George & Link, 1993), о более широком теоретическом осмыслении всего комплекса эмпирических фактов для выявления новых точек роста и определения путей дальнейшего развития научных представлений о счастье, о его субъекте и закономерности.

стях формирования. Причем предпринимаются и реальные шаги в этом направлении (Diener, Brief, Butcher, George & Link, 1993).

При конкретно-научном, психологическом исследовании счастья и общей удовлетворенности жизнью надо иметь в виду, на наш взгляд, два основных теоретико-методологических положения. Во-первых, счастье, как и удовлетворенность жизнью, является оценочной категорией, мнением самих субъектов о своих переживаниях и восприятии жизни с точки зрения внутренних критериев и эталонов, независимо от того, что об этом думают другие люди и насколько эти эталоны соответствуют или не соответствуют общепринятым взглядам и стандартам. Психологическая реальность счастья предполагает, что индивид знает о нем, чувствует его и не сомневается в нем. Именно эти субъективные оценочные мнения, индивидуально-личностные самоощущения респондентов являются основным источником информации не только для современных социально-психологических представлений о счастье, но и для дальнейших более широких философских обобщений и выводов. Как справедливо отмечает в этой связи известный английский психолог М. Аргайл, если люди утверждают, что они счастливы, даже если живут в глинобитных хижинах и на сваях или, напротив, испытывают депрессию и неудовлетворенность при внешних признаках благополучия, значит, дело обстоит именно так независимо от того, что мы думаем по этому поводу (Аргайл, 1990, с. 11, 28).

Во-вторых, счастье и в особенности чувство общей удовлетворенности являются характеристиками не просто личности, а личности как субъекта жизни, поскольку приобретают свой истинный смысл только в соотношении с масштабом целостной человеческой жизни – в единстве не только ее прошлого и настоящего, но и будущего. Без будущего и устремленности к нему, у человека нет и не может быть полноценного счастья. В осознании счастья проявляется качественная оценка и переживание индивидом своего бытия как особой целостности, как неповторимой судьбы в категориях благополучия – неблагополучия, довольства – недовольства, радости – страдания и др.

С точки зрения своих субъектных характеристик счастливая жизнь не является каким-то даром судьбы, неким заранее узнаваемым качеством, привносимым со стороны, а есть процесс воспроизводства и выстраивания жизни самим индивидом по меркам и стандартам своего ценностного сознания. В этом смысле каждый человек, согласно французской поговорке, – кузнец своего счастья, умело использующий благоприятные обстоятельства внешней и внутренней жизни для полноты и радости своего бытия. Субъектные характеристики выражают важнейшее качество счастливой жизни, являясь показателем того, что в процессе реальных событий и практических дел преодолеваются личностные противоречия, решаются жизненные проблемы, осуществляются планы и надежды на будущее и удается, что очень важно, определиться в главном деле своей жизни.

Приведенные определения и характеристики счастья находятся, на наш взгляд, в русле намеченного С. Л. Рубинштейном в книге «Человек и мир» онтологического плана исследования проблемы бытия субъекта, которое предполагает раскрытие и определение «способа существования человека в мире» (Рубинштейн, 1973, с. 340). Счастье, как и удовлетворенность жизнью, в своем широком философско-онтологическом контексте и является, по нашему мнению, способом субъективного бытия человека, в котором выражаются его наиболее индивидуализированные, интимно-личностные и одновременно целостные формы осознания себя и своего существования в мире с точки зрения реализации личностных смыслов и жизненных устремлений, соотношений действительности и идеала, ценностных приобретений и понесенных потерь, надежд и разочарований.

В отличие от широкого философско-мировоззренческого подхода конкретно-научное понимание и анализ счастья связаны с выделением его собственно психологических характеристик, с раскрытием внутренней структуры, составляющих компонентов с их тончайшими пере-

плетениями и различными композициями. Существенное значение приобретают при таком анализе содержательные аспекты счастья и его личностная типология.

С обозначенных выше исходных теоретических позиций счастье рассматривается нами как качественно негетогенное образование личности, как сложная когнитивно-эмоциональная структура, связанная с осознанием полноты и реализованности индивидуального бытия и заложенных в каждом индивиде потенциалов, переживанием достигнутых в жизни гармонии и совершенства. Многие психологи, особенно когнитивистских ориентаций, подчеркивают главенствующую и доминирующую роль в этой структуре оценочных, познавательных процессов, выражающих мнения и суждения людей о своем счастье и удовлетворенности жизнью (Diener, Brief, Butcher, George, Link, 1985).

В известном смысле эти ученые правы, поскольку трудно не согласиться с мнением о том, что человек страдает не столько от того, что происходит, сколько от того, как он оценивает происходящее (Монтень, 1992, с. 72). Однако более правомерно, на наш взгляд, говорить не столько о большей или меньшей значимости когнитивных и эмоциональных компонентов в психологической структуре счастья, сколько о специфической «роли», которую каждый из них выполняют в этой структуре. Мы попытались выразить эти функционально-содержательные различия, условно используя для их обозначения понятия «ядра» и «фона».

Важнейшей особенностью фона является его двойная эмоциональная обусловленность, соотношенность в нем в виде общего балансового итога положительных и отрицательных чувств и переживаний личности. Это положение, в свою очередь, дало нам основание выдвинуть гипотезу о двухмодальном строении счастья и общей удовлетворенности жизнью. Многие аспекты этой гипотезы имеют не только теоретическое, но и эмпирическое подтверждение. Сошлемся на некоторые из них.

Так, в одном из исследований субъективного благополучия личности, проведенном еще в 1960-е годы Н. М. Брадберном и сразу же обратившем на себя внимание специалистов неожиданностью полученных результатов, было показано, что шкалы негативных и позитивных аффектов, по существу, не коррелируют друг с другом, хотя каждая из них показывает независимые и возрастающие корреляции со шкалой общего благополучия (Bradburn, Caplovita, 1965). Положительные и отрицательные эмоции не только показывали независимые и возрастающие корреляции со шкалой общего благополучия, но и по-разному коррелировали с другими внешними переменными. Например, в отношении «социальности» были обнаружены связи с позитивными эмоциями и не обнаружены с негативными. Вслед за первой работой Н. М. Брадберна с ее необычной эмпирической находкой последовала целая серия исследований других авторов, во многих из них была выявлена сходная независимость положительных и отрицательных чувств. Причем это имело место как в случаях использования той же самой балансовой шкалы аффекта Н. Брадберна (Affect Balance Scale – ABS), так и при применении других методических процедур (Beiser, 1974; Moriwaki, 1974). В ряду интересных эмпирических зависимостей, важных для нашего анализа, в них был установлен такой, например, факт, что люди, часто испытывающие состояние счастья, не менее часто чувствуют себя и достаточно несчастными (Diener, Larsen, Levine, Emmons, 1985). Было также показано, что в основе противоположных по знаку эмоций лежат разные факторы и они имеют разные личностные и внешние источники.

Основываясь на результатах этих исследований, проведенных позднее как самим Н. М. Брадберном совместно с сотрудниками, так и независимо от него другими авторами, можно составить широкий список относительно независимых источников формирования позитивных и негативных чувств, включающих личностные и неличностные факторы. К факторам, влияющим на положительные чувства, относятся экстравертность, образование, занятость, включенность в социальные связи, положительные события в жизни, досуг, приносящий удовлетворенность. Факторами, преимущественно связанными с негативными эмоциями, являются:

невротизм, низкий социальный статус, принадлежность к женскому полу, слабое здоровье, низкая самооценка, стрессовые жизненные ситуации.

С точки зрения развиваемой нами гипотезы о двухмодальности счастья наряду с «феноменом Н. М. Брадберна» интерес представляет и двухфакторная или мотивационно-гигиеническая теория удовлетворенности трудом Ф. Херцберга. Эта теория появилась примерно в те же 1960-е годы и также сразу привлекла к себе внимание специалистов нетрадиционностью высказанных автором идей и положений. По материалам своих эмпирических исследований ученый приходит к выводу о необходимости различения двух групп факторов удовлетворенности трудом. В первой группе факторов, названных им мотиваторами, определились такие параметры, как наличие интереса к работе, возможности профессионального роста и достижений, признание и др. Вторая группа, обозначенная как гигиенические факторы, включает условия, оплату, безопасность труда и т. д. Исследование показало, что наличие первой группы факторов ведет к увеличению удовлетворенности, но их отсутствие, однако, не приводит к неудовлетворенности. Что касается факторов второй группы, то в случае их ущербности возникает неудовлетворенность трудом, хотя их оптимальное состояние не способно увеличить чувство удовлетворенности (Herzberg, 1966).

Приведенные данные о разных соотношениях эмоциональных модальностей личности, определяющих чувства удовлетворенности и счастья, дают основание говорить, в свою очередь, о том, что понятия «счастье» и «несчастье», вопреки сложившемуся стереотипу, не взаимоисключают друг друга, а способны сосуществовать в едином субъективном пространстве личности и по ряду оснований проявляют относительную независимость друг от друга.

Правомерность такого предположения теоретически была высказана уже сто лет тому назад Т. Рибо. Он писал: «Мы говорим, что страдание противоположно удовольствию; это просто способ выразаться, – они не противоположны, они просто различны» (Рибо, 1906, с. 51).

Положение о двухмодальной психологической структуре счастья и общей удовлетворенности жизнью имеет своим более общим методологическим основанием идею непрерывности и континуальности психического, в соответствии с которой счастье-несчастье, удовлетворенность-неудовлетворенность предстают не как четко разделенные, полярные образования, а как два сопряженных и пересекающихся между собой сегмента единого пространства человеческой субъективности.

В соответствии с этой общей идеей несчастье не является просто антисчастьем, как и счастье не есть антитеза несчастья. Другими словами, счастье – несчастье, удовлетворенность – неудовлетворенность не являются лишь антиподами, простой альтернативой друг другу, когда каждая из сторон лишь отражает другую с точностью «до наоборот». Напротив, у них есть своя качественная определенность и внутренняя психологическая целостность, не сводимая лишь к противоположному знаку эмоциональности, поэтому отсутствие у человека негативных эмоций или страданий еще не означает, что он находится в счастливом состоянии и испытывает радостные чувства, как и наоборот.

Эмпирически этот общий тезис находит свое подтверждение в том, что соответствующие эмоционально-счастливые или эмоционально-несчастливые состояния личности имеют разные источники формирования, выполняют разные функции и обладают разными механизмами обратного воздействия на личность и ее активность. Вопреки пословице «Счастье с несчастьем смешалось – ничего не осталось» в особых ситуациях жизни человек способен испытать и «сладкую печаль» и «счастье со слезами на глазах». И это не хаотическое смешение чувств, а особые формы их упорядоченности и проявлений эмоциональной целостности человеческой жизни. Как справедливо писал У. Макдауголл, существует «необычное сплетение грусти и веселья» и нередко для человека «мрачные минуты его неудач освещаются лучами

надежды, а моменты триумфа и торжества омрачаются сознанием тщетности человеческих стремлений» (Макдауголл, 1984, с. 104–105).

Этим необычным состояниям человеческой души, когда «глубокая радость заключает в себе больше суровости, чем веселья, а крайнее и полное удовлетворение – больше успокоения, чем удовольствия», – удивлялся гораздо раньше М. Монтень. Он писал: «Тяготы и удовольствия – вещи крайне различные по природе – каким-то образом соединяются природными узами» (Монтень, 1992, с. 380).

Очевидно одно: во всех подобных переживаниях противоположные чувства и эмоции не разрушают и не «гасят» друг друга вопреки всем физическим законам, а своим необычным сочетанием выражают состояния высокого душевного накала и высших форм эмоционального самовыражения и самосознания личности. Когда А. С. Пушкин в одном из своих стихотворений восклицает: «О, как мучительно тобою счастлив я» или говорит: «Мне грустно и легко, печаль моя светла» речь идет не об обычных переживаниях счастья или печали, а о более усложненных и напряженных формах духовности, способных передать и «изначальную скорбь», и непреложную радость бытия одновременно.

В православии есть понятие «скорбящая радость», в содержании которого заключена, если воспользоваться выражением Е. Н. Трубецкого, «одна из замечательных тайн духовной жизни». Эту тайну можно понять, обратившись к его знаменитым этюдам по русской иконописи. Восхищаясь мастерством русских иконописцев XV в., он пишет о том, что для такого изображения духовного страдания, как на их иконах, недостаточно было только пережить это страдание, а «нужно над ним подняться». «Но главное и основное в иконе XV века, – продолжает он свои размышления дальше, – не эта глубина страдания, а та радость, в которую претворяется скорбь; то и другое в ней нераздельно: в ней чувствуется состояние духа народа, который умер и воскрес» (Трубецкой, 1994, с. 277).

Важно также подчеркнуть, что определенная асимметрия – не только количественная, но и качественная – обнаруживается при рассмотрении счастья-несчастья с позиций принципа индивидуальности.

Давно и хорошо известна большая избирательность людей в отношении того, что может доставить им радость или огорчение, что усиливает или, напротив, уменьшает их чувство счастья, равно как и несчастья. Эта индивидуальная специфичность определяется не только личностными особенностями человека, но и теми многообразными событиями жизни, которые нередко происходят случайно, имеют неповторимый след, «спутывая все карты» жизни, образуя неожиданные повороты и зигзаги его неповторимой индивидуальной судьбы.

Хотя каждый человек не только несчастлив, но и счастлив по-своему, тем не менее, формы проявления и степень выраженности этой индивидуальной неповторимости у них разные. Так, уже давно замечено, что гамма удовольствий в человеческой жизни не так богата и разнообразна, как гамма страданий. Об этом авторитетно писали В. Вундт и другие профессиональные психологи. В свою очередь, В. Франкл, ссылаясь на одного русского психолога-экспериментатора, утверждает, что в среднем нормальный человек ежедневно переживает несравненно больше отрицательных эмоций (неудовольствия), чем положительных (удовольствия) (Франкл, 1990, с. 167–168).

Этот эмпирически наблюдаемый факт получил свое убедительное отражение и в творчестве многих известных писателей и поэтов, не хуже специалистов разбирающихся в тонкостях человеческой психики и одновременно умеющих выразить их живым языком искусства. У Н. С. Гумилева есть в связи с этой особенностью переживания человеческих чувств и счастья прекрасный поэтический образ:

У муки столько струн на лютне,
У счастья нету ни одной.

(Гумилев, 1990, с. 215)

Не нами и не сегодня замечено, что в описании счастья и радости, земного рая и состояния высшего блаженства мастера слова всегда оказывались менее выразительными и изобретательными, чем при описании трагедий, ужасов, несчастий, горя и т. д. Так, «Рай» Данте в его «Божественной комедии», по всеобщему признанию, заметно уступает «Аду»; «Возвращенный рай» Дж. Мильтона его «Потерянному раю», а вторая часть «Фауста» Гете читается с меньшим интересом, чем первая и т. д.

«О счастье можно говорить минуты пять, не больше, – говорит героиня романа Э. М. Ремарка „Тени в раю“ Наташа. – Тут ничего не скажешь, кроме того, что ты счастлива. А о несчастье люди рассказывают ночи напролет». Соглашаясь с нею, ее собеседник Роберт Росс, от имени которого идет повествование, вносит важное добавление: «Но кроме того, счастье нагоняет скуку, а несчастье – нет» (Ремарк, 1971, с. 94).

И действительно, писатели обычно заканчивают или обрывают свой рассказ, повесть, роман, как только дело доходит до счастья. «И стали жить, поживать и добра наживать» – именно такой общей фразой заканчиваются обычно и многие русские сказки, счастливому концу которых предшествуют обычно многочисленные перипетии и беды в жизни сказочных героев. Весьма категоричную позицию в вопросе индивидуальной неповторимости несчастья по сравнению со счастьем занимал Л. Н. Толстой, выразив ее своей знаменитой фразой: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Этими словами, как известно, начинается его роман «Анна Каренина», все содержание которого сконцентрировано, по существу, на коллизиях семейной жизни героев.

Житейские наблюдения, как и результаты эмпирических и экспериментальных исследований, показывают, что несчастье и неудовлетворенность жизнью более индивидуализированны, психологическая и предметная дифференцированность у них выражены глубже, а связи со всеми мотивационными и другими структурами личности выступают значительно четче, чем у счастья. В экспериментах по интеллекту показано, в частности, что люди, склонные к депрессивным переживаниям, с явным преобладанием отрицательных эмоций тяготеют к оперированию конкретными образами, к наглядно-образному мышлению, в то время как у более жизнерадостных и оптимистичных индивидов преобладает, напротив, вербальное, словесно-логическое мышление (Кепалайте, 1982).

Эту разную дифференцированность счастья и несчастья тонко улавливает и передает наш язык, легко допуская, например, использование множественного числа для несчастья и упорно «сопротивляясь» множественности счастья. «Книга о счастье и несчастьях» – так в соответствии с чувством и нормой русского языка назвал автобиографическое описание событий своей жизни академик Н. М. Амосов. Он пишет: «Есть у меня дневник. Не так чтобы регулярно, а отдельные дни записаны. Большею частью несчастные».

Вспомним в этой связи и броское, запоминающееся выражение «22 несчастья». В пьесе «Вишневый сад» А. П. Чехов дает такое прозвище одному из героев, поскольку каждый день с конторщиком С. П. Епиходовым случаются всякие несчастья, о которых он сам охотно и с увлечением рассказывает.

Множественность несчастья имеет и свою мифологическую объяснительную версию, связанную с пресловутым «ящиком Пандоры». Согласно одному из греческих мифов, по указанию верховного бога Зевса была создана и послана на землю женщина по имени Пандора. Боги снабдили ее ларцом, в котором были спрятаны все будущие человеческие несчастья. Так они решили отомстить людям, которые стали счастливыми благодаря похищенному Прометею от богов огню. Когда Пандора открыла ларец, из него вылезли и расползлись по земле болезни,

пороки, бедствия, соблазны и т. д. Только надежда, согласно мифу, осталась на дне ларца, так как Пандора захлопнула перед ней крышку.

Заметим, что в отличие от несчастья в мифологических сюжетах, не раскрывается множественность счастья.

Итак, рассмотренные нами некоторые особенности счастья и несчастья, связанные с эмоциональным фоном их психологической структуры, свидетельствуют о том, что, несмотря на отрицательную парность, они не исключают и не выступают полной противоположностью друг другу. Частичка «не» в данном случае создает лишь иллюзию их полной антиподности и зеркальной асимметричности присущих им качеств и свойств. Наряду с некоторыми общими, но разнонаправленными характеристиками каждая из сторон данной оппозиции имеет одновременно и свою качественную определенность, свои приоритеты, свои функциональные особенности в жизнедеятельности личности. В известном смысле переживание несчастья оказывается для личности не менее значимым, а объективно, возможно, и более неизбежным, чем чувство счастья и удовлетворенности, хотя проявляется это по разным основаниям и не в одинаковой пропорции. «И то, что мы называем счастьем, и то, что называем несчастьем, одинаково полезно нам, – писал Л. Н. Толстой, – если мы смотрим и на то и на другое, как на испытание» (Толстой, 1996). По своему конечному итогу в самосознании личности они даже как бы уравниваются, поскольку в равной мере олицетворяют для нее события прожитой жизни со своими горькими и радостными страницами, которые из нее уже не вырвешь.

Это целостное восприятие жизни через призму пережитых в ней состояний счастья и несчастья, ставших частью собственной судьбы и сознания своего Я, передает И. А. Бунин в одном из своих стихотворений:

... Горько думать, что пройдет
Жизнь без горя и без счастья
В суете дневных забот...

(Бунин, 1986, с. 24–25)

В отличие от эмоционально насыщенного фона рефлексивное «ядро» психологической структуры счастья составляют все те когнитивные образования, к которым относятся различные процессы и механизмы оценивания, сравнения, осмысления и т. д., включая и сами содержательные критерии и стандарты жизни, на основании которых происходит это оценивание. Важно еще раз подчеркнуть, что шкалы отсчета и критерии счастья, хотя и формируются под влиянием социума, но каждый определяет их для себя сам, сопоставляя реальную жизнь с желанной, в соответствии со своими представлениями, идеалами и социальными притязаниями. Убедить человека в том, что он счастлив, если он сам не выстрадал и не осознал этого чувства, вряд ли возможно.

Жизненный опыт подсказывает, что счастье обманчиво и поверить в его реальность бывает обычно труднее, чем в несчастье. Его трудно предугадать и совсем невозможно заранее вычислить. В счастье надо и важно верить, тем более тщательно оберегать и дорожить этим ценным внутренним состоянием, если оно уже у тебя есть.

Обманчивость и хрупкость счастья связаны во многом с тем, что осознание себя счастливым происходит не только на основе сопоставления своей наличной реальности с оптимально возможной и желаемой, но и с тем, что есть у других. Причем сравнение с другими всегда опосредовано существующими в обществе стереотипами. Ломка стереотипов, переоценка ценностей могут привести к изменению чувства удовлетворенности и счастья, даже если их объективные основания остались прежними.

Очевидно, что индивидуальные критерии и стандарты жизни могут совпадать и, как правило, совпадают с теми, которые приняты в данном обществе или культуре, но могут и не совпадать и даже существенно расходиться с ними, в том числе и с теми, которые представляются кому-то важными и правильными.

При рассмотрении когнитивно-познавательных структур индивидуального счастья сразу же возникают вопросы содержательного плана: какие критерии жизни определяют счастье данной личности, какие ценностно-смысловые образования и идеалы доминируют в ее структуре?

Однако проблема ценностных оснований счастья – отдельная и большая тема, предмет самостоятельного исследования. Различным аспектам этой проблемы и результатам соответствующего эмпирического исследования посвящена специальная глава книги.

Наконец, необходимо обозначить еще одну группу вопросов, которая представляется нам существенной в плане общетеоретического анализа и определения перспектив дальнейших эмпирических исследований. Это вопросы связи личностной удовлетворенности и счастья с другими структурами и свойствами личности и их влияния на многие процессы жизни, включая жизненную активность и формы ее поведенческого проявления и т. д.

При рассмотрении этих вопросов мы придерживаемся той точки зрения, что счастье и удовлетворенность жизнью – это не только эмоционально выраженные состояния личности, связанные с ее текущими настроениями, конкретными событиями и их переживаниями. Одновременно это и достаточно устойчивые структуры личности, целостные характеристики ее сознания и бытия, способные определять особенности отношения субъекта к окружающему миру, формы поведения и организацию индивидуальной жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.